

Патрушев Сергей

60

Десятый вдох

Сергей Патрушев

Десятый вдох

<https://litres.ru/74519354>

SelfPub; 2026

Аннотация

Джон, потерявший магию ради спасения Лили, застрял во временной петле. Девять раз он умирает у неё на руках, пытаясь предотвратить роковой шаг со скалы.

Когда боги Равновесия решают уничтожить их реальность за нарушение законов мироздания, Джон совершает невозможное: сливается с душой Лили в одно существо. Теперь они аномалия, живая угроза Мультиверсуму.

Чтобы спасти тысячи невинных от гнева Пантеона, Джону придётся стереть себя из её памяти и наблюдать издалека, как она счастлива с другим, став вечным тюремщиком собственной любви.

Содержание

Глава 1. Последний вдох у моря	4
Глава 2. Молитва отчаявшегося	23
Глава 3. Дар или Проклятие?	46
Глава 4. Попытка №1 — Слишком поздно	67
Г	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Десятый вдох

Глава 1. Последний вдох у моря

Соленая пыль оседала на губах, оставляя вкус горького миндаля и далеких штормов. Лили запрокинула голову, подставляя лицо ледяному ветру с Северного моря. Небо над скалистым побережьем Эстфолла было низким, свинцовым, туго натянутым между вершинами базальтовых утесов. Оно не обещало дождя — оно само было дождем, который просто еще не решил, в какой форме ему удобнее обрушиться на землю: сплошной стеной или мелкой, пронизывающей до костей моросью.

Лили обожала это состояние мира на грани. Для большинства людей такая погода была поводом остаться дома с книгой и глинтвейном. Для нее же она звучала как симфония.

Она стояла на самом краю каменного карниза, нависающего над бушующей бездной. Внизу, метрах в двадцати под ее стоптанными туристическими ботинками, сходились с глухим ревом две стихии. Черная, маслянистая вода разбивалась о гранитные клыки скал, превращаясь в белую, яростную пену. Воздух здесь был плотным, почти осязаемым. Он пах озоном, гниющими водорослями и свободой.

Магия жила у Лили прямо под кожей, отзываясь на каждый порыв ветра легким покалыванием в кончиках пальцев.

Ей не нужно было произносить заклинания или чертить руны. Она чувствовала воздушные потоки так же естественно, как собственное сердцебиение. Сейчас она позволила себе маленькую шалость. Сделав глубокий вдох, она потянула за невидимые нити давления. Тяжелый морской ветер послушно свернулся вокруг нее спиралью, создавая крошечный карман тишины. Рев волн стал глуше, словно она накрыла их толстым одеялом. Пылинки соли замерли в воздухе, зависнув перед ее лицом идеальной геометрической решеткой.

— Глупышка, — прошептала Лили сама себе, улыбаясь уголком рта, где притаилась едва заметная ямочка. — Играешь со спичками рядом с пороховой бочкой.

Ее наставник, старый магистр аэромантии из Праги, всегда ругал ее за эту беспечность. «Твоя сила, Элеонора, пропорциональна твоей безответственности», — скрипел он, когда Лили в очередной раз опаздывала на занятия, объясняя это тем, что помогала стае перелетных птиц выбрать правильное направление. Она ненавидела имя Элеонора, предпочитая сокращенную, легкую форму. Как воздух. Легкая, стремительная, немного неуклюжая в быту, но абсолютно невесомая в своей стихии.

Она опустила руки, развеивая воздушный купол. Соль снова ударила в лицо, а рев океана вернулся оглушительной пощечиной. Мир обрел свою первозданную громкость.

Лили решила пройти дальше вдоль кромки воды, туда, где скалы образовывали узкий, извилистый проход, известный

местным рыбакам как «Пасть Левиафана». Прилив только начинался, слизывая черную грязь с основания утесов. Камни были скользкими от ила и микроскопических ракушек-блюдецек. Идеальное место для того, чтобы сломать ногу. Или шею. Любой здравомыслящий человек надел бы кошки или хотя бы взял палку. Но Лили шла вперед, балансируя на грани мокрого гранита, напевая себе под нос старую скандинавскую колыбельную. Ее походка была обманчиво расслабленной, чуть танцующей. Со стороны казалось, что гравитация относится к ней снисходительнее, чем к остальным смертным.

Она миновала первый поворот «Пасти». Здесь ветер завывал иначе — протяжно, тоскливо, находя идеальный акустический резонанс в расщелинах камня. Лили остановилась, зачарованная звуком. Закрыла глаза, пытаясь поймать частоту вибрации. Если направить поток воздуха вот сюда, в этот каменный мешок, можно заставить скалу петь голосом утопленника. Отличная идея для инсталляции на факультете...

Задний мысок ее правого ботинка соскользнул.

Это произошло мгновенно и одновременно мучительно медленно, как во сне. Подошва потеряла сцепление с покрытым тиной уступом. Мышцы икр рефлексорно сократились, пытаясь найти точку опоры, которой больше не существовало. Центр тяжести сместился. Лили взмахнула руками, инстинктивно призывая воздух, но паника сделала хватку грубой. Вместо мягкой воздушной подушки, которая мог-

ла бы замедлить падение, она создала хаотичный вихрь. Поток лишь сильнее толкнул ее в грудь, лишив остатков равновесия.

Мир перевернулся.

Свинцовое небо качнулось вверх, сменившись угольно-черной пастью моря. Последнее, что зафиксировало ее сознание прежде, чем затылок встретился с острым выступом базальта — это вспышка невыносимой, алмазной боли и мысль, абсурдная в своей бытовой нелепости: *«Я забыла выключить утюг»*. А потом наступила абсолютная, звенящая пустота.

Джон стоял посреди шумного офиса страховой компании в Осло, методично вбивая данные клиента в таблицу Excel, когда его внутренний компас взорвался.

Это не было похоже на телефонный звонок или сообщение. Их связь с Лили была глубже, древнее, выкованная годами совместных практик и редким, опасным ритуалом Симбиоза Разумов. Это была серебряная нить, протянутая сквозь пространство, вибрирующая на частоте их душ. Обычно эта нить ощущалась как ровное, теплое тепло в солнечном сплетении, фоновый шум присутствия любимого человека.

А потом тепло исчезло.

На долю секунды Джона накрыло абсолютным вакуумом. Звон клавиш умолк. Голоса коллег, обсуждавших грядущий

корпоратив, превратились в беззвучное движение ртов. Время схлопнулось в точку. А затем в образовавшуюся пустоту хлынул ледяной ужас.

Его согнуло пополам прямо над клавиатурой. Горячая, слепящая боль ударила в висок — не его боль, чужая, рванный отголосок удара о камень. Перед глазами полыхнуло красным. Запах озона и гниющих водорослей забил ноздри, настолько реальный, что он закашлялся, втягивая воздух офисного кондиционирования, показавшийся теперь затхлым и мертвым.

— Джон? Ты чего зеленый? Переел вчера шавермы? — окликнул его Свейн из-за соседнего стола.

Джон поднял голову. Его зрачки сузились в точки, а радужка, обычно спокойного карего цвета, сейчас напоминала раскаленные угли, подсвеченные изнутри гудящим ацетиленовым пламенем. Температура воздуха вокруг его кресла поднялась на пять градусов за секунду. Пластик монитора пошел легкой тепловой рябью.

— Лили, — прохрипел он.

Он вскочил, опрокинув стул. Ноги сами несли его к выходу, игнорируя недоуменные взгляды сотрудников. Он не бежал — летел, расталкивая плечами посетителей в вестибюле, плечом вынося тяжелую вращающуюся дверь. Холодный октябрьский воздух Осло ударил в лицо, отрезвляя, но не гася внутреннего пожара.

Ментальная карта вспыхнула в его сознании четче любого

GPS. Север. Десять километров. Побережье. Скалы. Вода.

Он призвал огонь.

Для стороннего наблюдателя это выглядело бы пугающе: кожа Джона пошла трещинами из чистого света, одежда затрещала от жара, а асфальт там, где он делал первые шаги, начал плавиться, оставляя глубокие рубчатые следы. Ему нужно было быть там десять минут назад. Обычный бег убьет драгоценное время.

Трансформация заняла три секунды. Кровь в венах загустела, превращаясь в жидкий фосфор. Сердце забилося гулко, перекачивая не гемоглобин, а чистую плазму. Джон оттолкнулся от земли. Пламя вырвалось из подошв его кроссовок, создав реактивную тягу. Он понесся над крышами припаркованных машин, над трамвайными путями, превратившись в дымящуюся комету алого цвета. Прохожие внизу вскрикивали, указывая пальцами на небо. Полицейские sireны взыв вдали, пытались преследовать аномалию, но безнадежно отставали.

Ветер свистел в ушах, выжигая влагу из глаз. Джон видел город сверху: серые коробки зданий, свинцовую ленту фьорда, желтые пятна лесов. Все это было декорацией. Единственной реальностью оставалась пульсирующая точка на севере, которая стремительно тускнела. Угасала.

Нет. Только не это. Мы же договорились. Мы прошли инициацию, мы выдержали Лабиринт Отражений. У нас впереди вечность, ты обещала.

Десять километров преодолелись меньше чем за минуту. Он рухнул вниз, гася инерцию выбросом пламени, и приземлился на колени на влажный мох в паре сотен метров от побережья. Трансформация отступила так же быстро, как и пришла. Жар схлынул, оставив после себя дрожь в мышцах и запах собственного опаленного тела.

Джон бросился к скалам.

Шторм усиливался. Волны теперь доставали до нижних тропинок, заливая их шипящей пеной. Он сорвал голос, крича ее имя: — Лили! Лилиан!

Эхо возвращало ему лишь вой ветра и грохот прибоя. Он бежал по скользким камням, рискуя каждую секунду сам полететь в воду. Его обостренные связью чувства работали как сонар. Он искал отпечаток ее ауры, след ее магии в пространстве. И нашел его. У самой «Пасти Левиафана».

Воздух там все еще дрожал от остаточного возмущения — спутанные, оборванные нити аэромантии, похожие на клочки паутины после бури. А ниже, среди острых зубов базальта, куда докатывались языки белой пены, лежало нечто бесформенное.

Время для Джона остановилось окончательно.

Мир потерял краски, став черно-белой фотографией. Он увидел ярко-рыжую куртку — дешевую синтетику, которую она купила на распродаже, потому что продавец сказал, что цвет напоминает ей закат в Аризоне. Куртка была разодрана на плече. Темные волосы, которые она каждое утро укла-

дывала часами, слиплись от воды и крови в один сплошной, жуткий колтун.

Она лежала лицом вниз, неестественно вывернув левую руку. Из-под головы расплзлось темное пятно, которое жадно впитывала холодная океанская вода.

Джон оступился, упал коленями в ледяную кашу прибоя. Боль от холода даже не пробилась сквозь тот бетонный саркофаг шока, в котором оказалось его сознание. Он пополз к ней, оскальзываясь на водорослях.

— Нет... нет-нет-нет, пожалуйста, только не дыхание моря, — бормотал он, его пальцы тряслись, когда он пытался перевернуть ее тело.

Он боялся прикоснуться к ней. Боялся увидеть ее лицо. Потому что знал. Знал еще тогда, в офисе, когда лопнула серебряная нить. Знал, когда падал камнем с неба. Но человеческая часть его души отказывалась принимать приговор.

Он схватил ее за плечи, переворачивая. Тело показалось ему пугающе тяжелым, лишенным той внутренней пружинки, которая делала Лили похожей на воробья.

Ее голова безвольно мотнулась.

И мир Джона Паттерсона, мага огня третьего ранга, разрушился.

Удар пришелся точно в левый висок. Рана была глубокой, рваной. Базальт срезал кусок кожи вместе с волосами, обнажив белую, как мел, височную кость. Но страшнее раны было ее лицо.

Оно было белым. Не бледным, а именно белым, цвета старых газет. Губы посинели. На ресницах застыл иней — странный, невозможный при такой температуре, микрокристалл, возникший от резкого перепада температур при контакте живого тепла с ледяной смертью.

Но самым чудовищным были ее глаза. Они были открыты. Широко, неестественно широко распахнуты навстречу свинцовому небу. Карие, теплые глаза Лили, в которых всегда плясали золотистые искорки смеха, сейчас смотрели в никуда. Абсолютно плоские, стеклянные блюдца. Взгляд остановился навсегда в ту миллисекунду, когда острый камень прервал полет ее мысли об утюге.

— Дыши, — просипел Джон, прижимая ухо к ее окровавленным губам.

Ни дуновения. Ни малейшего движения грудной клетки. Море уже начало свое дело: вода заполнила легкие, делая спасение невозможным даже для самого искусного целителя, если бы тот оказался здесь прямо сейчас. Прошло слишком много времени. Те несколько минут, пока он ехал из офиса, стали пропастью между жизнью и окончательным мраком.

Безумие овладело им мягко, почти ласково. Сначала ушла боль потери. Потом ушел страх. Осталась только чистая, дистиллированная ярость. Ярость на равнодушное море. На скользкий камень. На идиотский утюг. На саму смерть, которая посмела забрать самое светлое, что было в его жизни.

Его руки, сжимающие хрупкие плечи Лили, начали ды-

миться.

Сначала это был просто жар. Кожа девушки под его ладонями начала оттаивать, избавляясь от мертвецкого воскового налета. Затем камни вокруг них захрустели, покрываясь сеткой трещин от термического расширения. Джон открыл рот, и оттуда не вырвался крик — оттуда хлынуло чистое, бело-голубое пламя.

Он не управлял этим огнем. Огонь управлял им. Это была первобытная реакция Феникса на гибель пары. Магия, дремавшая в его роду столетиями, отреагировала на разрыв ментальной связи единственным известным ей способом — попыткой испепелить весь мир, причинивший боль.

Волосы на голове Джона вспыхнули, но он этого не чувствовал. Его собственная нервная система выгорала, заменяясь чистой проводимостью стихийной энергии. Температура вокруг него поднялась до тысячи градусов. Резина на его подошвах вспыхнула и стекла на камни черной жижей. Морская вода, касающаяся краев его одежды, обращалась в пар с оглушительным шипением, поднимая густые облака едкого тумана.

— Верни ее, — прорычал он, глядя в пустые глаза Лили. Капли его собственной крови — он прокусил щеку изнутри от напряжения — испарялись, не успев долететь до ее лица. — Слышишь меня?! Там, наверху! Где бы ты ни была, бог, дьявол, Пантеон Стихий! Она моя! Вы слышите?! Она дышит воздухом, а не вашей соленой блевотой! Верни. Мне.

Мой. Воздух!

Небо ответило ему. Но не громом.

Сквозь клубы пара, сквозь рев шторма и треск пожирающего камни пламени, Джон услышал звук. Тихий, мелодичный смех. Он шел отовсюду — от ветра, от волн, от самих камней под его коленями. Женский смех, звонкий, как хрусталь, и холодный, как лезвие скальпеля.

Из водоворота у подножия скалы начала сгущаться фигура. Вода поднималась вверх, формируя высокий силуэт, сотканный из зеленоватой пены и лунного света. У фигуры не было четких черт лица, но Джон почувствовал на себе взгляд — тяжелый, изучающий, древний, как само дно океана.

— Какой забавный маленький пожар, — прошелестел голос, в котором смешались бульканье утопленников и шепот течений. — Ты горишь красиво, маг пепла. Но твоя игрушка принадлежит мне. Она упала в мои владения. Плоть стала грязью, кровь — солью. Таков закон Бездны.

— Закон?! — взревел Джон, и столб пламени ударил из его груди прямо в сторону водной сущности. Огонь встретил воду, и на мгновение образовалась стена слепящего белого пара. Когда она рассеялась, сущность осталась стоять, совершенно невредимая, лишь слегка помутнев цветом. — Я сожгу это побережье дотла! Я выпью океан! Дай мне вернуть ее душу, или я станцую на твоих костях, тварь!

Водная дева склонила голову набок. Смех прекратился. — Ты не можешь танцевать, когда твои кости станут пеплом,

глупец. Твоя связь разорвана. Серебряная нить истлела. То, что делало ее Лили, сейчас растворяется в моей соли. Еще полчаса, и тебе некуда будет возвращать дух. Будет лишь мясо, которое ты так страстно пытаешься подогреть.

Джон посмотрел на Лили. На ее открытые, мертвые глаза. До него наконец дошло, что говорит это существо. Даже если он силой своего дара заставит ее сердце биться, даже если очистит легкие от воды — внутри будет пустота. Кукла. Скорлупа. Та самая жизнерадостная, неуклюжая девочка, любившая гулять под дождем, ушла по этой серебряной нити в великую темноту.

Ярость схлынула так же внезапно, как и нахлынула, оставив после себя выжженную пустыню отчаяния. Опора ушла из-под ног. Он рухнул на бок, увлекая за собой тело Лили. Обнял ее, прижимая к своей горячей груди, пряча ее лицо у себя на плече, словно пытаясь защитить от холодного взгляда морского божества.

Огонь вокруг него погас. Температура резко упала, и камни, перегретые добела, с жалобным треском начали лопаться от резкого охлаждения. По щекам Джона текли слезы. Они попадали на губы, и он чувствовал вкус — пресный, человеческий, бесконечно жалкий на фоне соленого величия смерти.

— Что ты хочешь? — спросил он севшим, сломанным голосом. Вся его магическая мощь, статус магистра, годы тренировок — всё обратилось в прах перед этим тихим вопро-

сом. — Чего стоит выкуп?

Сущность из пены шагнула ближе. Теперь она возвышалась над ними обоими. Одна из ее рук, полупрозрачная, коснулась волос Лили. Вода не намочила их — она прошла насквозь, словно струя дыма. — Всегда есть цена, — промурлыкала тварь. — Равновесие требует компенсации. Жизнь за жизнь — это скучно и предсказуемо. Ваша любовь... ваша хваленая ментальная связь. Она уникальна. Аэромантия и Пирокинез, сплетенные воедино. Редкий коктейль для моих коллекций.

— Забери мою, — немедленно выдохнул Джон. — Возьми мое пламя. Всю мою ману. Оставь мне ровно столько, чтобы я мог дышать, и дай ей уйти. Я стану пустышкой. Навсегда.

Морская дева снова рассмеялась, и на этот раз в смехе звучало искреннее удовольствие. — Твоя душа сгорела бы в ее теле, мальчик. Вы связаны слишком тесно. Если я заберу твой огонь, ее сосуд рассыплется в прах от одного воспоминания о тепле. Нет. Мне нужно другое. Тебе ведь нужен последний вдох, верно? Тот самый, которым она подавилась?

Джон кивнул, не понимая, о чем речь, готовый согласиться на любое безумие.

— Я могу отдать тебе ее последнее воспоминание, — продолжила сущность. — Ту ничтожную бытовую мысль, с которой она умерла. Образ остывающего утюга. За это я заберу у тебя память о ней. Всю. Начиная с первой встречи в библиотеке университета и заканчивая сегодняшним утром,

когда ты варил ей кофе. Ты забудешь ее лицо. Забудешь ее голос. Забудешь, как звучит ее смех. Ты будешь жить дальше, пустой внутри, но свободный от боли. А она... она уйдет в мой сад на дне. Целой. Спокойной. Без знания падения и удара. Красивый сон вместо уродливой смерти. Разве это не щедро?

Кровь отхлынула от лица Джона. Предложение было хуже любой пытки. Жить — значило помнить. Жить без памяти о Лили означало стать ходячим мертвецом, более мертвым, чем та, что лежала в его объятиях.

— Я лучше брошусь на эти камни вслед за ней, — выдавил он.

— Бросайся, — легко согласилась тварь. — Но сначала ты увидишь, как крабы начнут выедать ее глаза. Прилив усиливается. Через двадцать минут волны заберут ее в расщелину, откуда не достанет ни один ныряльщик. Она станет частью моего рифа. Хочешь оставить ее одну в темноте, маг? Решай. Песок в моих часах для ее мозга почти иссяк. Нейроны гибнут безвозвратно.

Это был шантаж высшего порядка. Удар ниже пояса. Любовь боролась в Джоне с эгоизмом, и проигрывала. Он смотрел на бескровное лицо Лили. Если он откажется, она действительно останется одна, брошенная им дважды — сначала на камнях, а теперь в холодной пучине. Но если он согласится...

— Кто... кто ты? — прошептал он.

— Можешь называть меня Элей, — ответила сущность. Имя прозвучало как всплеск весла по ночной воде. — Первая волна. Мать всех течений. И я даю тебе тридцать секунд, прежде чем предложу сделку следующему отчаявшемуся дураку. Их тут тонет предостаточно.

Джон зажмурился. Внутри него бушевал пожар, сравнимый с тем, что он устроил на берегу минутой ранее. Но это был пожар распада личности. Каждая клетка его существа кричала «нет». Каждое биение сердца, отравленное любовью, требовало сохранить святую память.

Но другая рука, та, что гладила мокрые волосы Лили, продолжала свое движение. Инстинкт собственника. Желание спасти. Хотя бы тело. Хотя бы возможность однажды прийти на эту скалу и знать, что ее похоронили достойно, а не переварили морские глубины.

— Хорошо, — его голос дрогнул, ломаясь на середине слова. — Я согласен. Забирай. Делай.

Элей наклонилась ниже. Ее туманное лицо оказалось в дюймах от лица Джона. — Слово сказано трижды. Пути назад не будет. Открой разум. Позволь мне взять то, что болит сильнее всего.

Холод, превосходящий холод любых глубин, вторгся в его череп.

Это не было похоже на сканирование мыслей. Это было похоже на медленное погружение рук в кипящую смолу. Элей копалась в его душе хирургически точно. Она нашла

узел, сияющий ярче солнца — ядро его памяти, центрированный вокруг рыжеволосой девочки. Первый поцелуй под дождем. Совместные ожоги на пальцах от неудачных экспериментов. Ее храп, который она отрицала. Тот самый уют, оставленный включенным в день их переезда в новую квартиру, из-за которого они чуть не сгорели прошлым летом. Миллиарды кадров, оттенков, звуков.

Элей захватила этот узел своими эфемерными пальцами и потянула.

Боль была физической. Джон закричал, выгибаясь дугой, царапая собственные предплечья до мяса. Казалось, ему снимают скальп без анестезии. Каждый извлеченный фрагмент памяти оставлял после себя кровоточащую пустоту.

Уют... Образ раскаленной металлической пластины в его руках поблек, пожелтел, как старая газета, и рассыпался пеплом.

Ее улыбка... Золотистые искорки в глазах погасли.

Запах ее шампуня... Ноздри дернулись, ловя пустоту.

Процесс занял не больше десяти ударов его заходящегося в аритмии сердца. А затем последовал второй акт. Холод отпустил его разум, сменившись странным, ватным теплом. Элей повернулась к телу Лили. Наклонилась и выдохнула — если у тумана может быть дыхание — прямо в приоткрытый, синюшный рот девушки.

Никакой голливудской магии не случилось. Не зажегся свет. Не забилося сердце. Произошло нечто гораздо более

тихое и жуткое. Синюшность начала уходить с губ. Кровь перестала сочиться из разбитого виска, запекаясь идеально ровным струпом. Рана словно закрылась сама собой, превратившись в гладкий, белый шрам. Лицо Лили разгладилось, теряя маску предсмертной муки. Она больше не выглядела как жертва кораблекрушения. Она выглядела как человек, уснувший на пляже после долгой прогулки. Глубоким, здоровым сном.

Элей выпрямилась. В ее туманной руке теперь клубился сгусток черного дыма, внутри которого металась искаженная, отчаянная мысль: *«Я забыла выключить утюг»*.

— Твой взнос принят, — прошелестела Элей. — Живи с миром, который ты выбрал. А девочку я провожу. Скажи спасибо, что я сегодня сыта и ленива. Иначе взяла бы и твое пламя тоже. Уж больно ты вкусно горишь.

С этими словами сущность из пены и лунного света осыпалась обратно в воду тысячами капель, которые тут же смешались с волнами, не оставив после себя ничего, кроме запаха йода и вселенской тоски.

Тишина вернулась оглушающая. Шторм словно выключили поворотом рубильника. Волны перестали биться в истерике, приняв размеренный, монотонный ритм. Чайки, прятавшиеся от бури, робко закричали где-то вдалеке.

Джон остался лежать на мокром граните, придавленный телом Лили.

Он тяжело, со свистом втянул воздух. Соленый, влаж-

ный, живой. Он ожидал почувствовать облегчение. Торжество. Победу. Ведь сделка удалась. Она жива. Ну, технически. Врачи смогут откачать ее, запустить сердце. У нее будет будущее.

Он попытался вспомнить, какого цвета у нее глаза.

Карие? Серые? Голубые?

Цвет ускользал. словно он пытается описать оттенок стен в комнате, из которой вышел пятьдесят лет назад. Он напряг память, пытаясь вызвать в воображении ее лицо.

Перед внутренним взором вставал лишь размытый овал. Рыжая куртка. Кажется, веснушки? Или это капли грязи? Он не знал. Он знал, что любит кого-то. Любил. Чувство осталось тяжелой, теплой гирей в груди. Но объект этого чувства стерся, превратился в абстракцию. В статистическую погрешность.

Он провел рукой по лицу Лили, отводя прилипшую прядь волос со лба. Кожа была теплой. Почти нормальной. Чудо исцеления сработало безупречно.

— Прости, — сказал он в пустоту. Но слово не имело веса. Он извинялся перед незнакомкой.

Где-то далеко, на другом конце города, в квартире, которую они снимали вместе, продолжал работать уют, прижатый к старой льняной скатерти. Ткань уже начала дымиться, но Джон об этом не знал. Да и если бы узнал, вряд ли бы смог вспомнить, чья это была скатерть и почему ее нельзя было портить.

Он собрал остатки сил. Нужно было действовать. Скоро начнется настоящий прилив, и тогда даже совершенная сделка с Элей потеряет смысл — море заберет их обоих.

Джон уперся руками в камень и толкнул тело Лили со своих колен. Звук, с которым она ударилась о гальку, показался ему чужим и неправильным. Он действовал механически, как заводная кукла. Снял свою куртку, промокшую от пара и брызг. Завернул в нее девушку, стараясь не смотреть на идеальное, лишенное памяти лицо. Перекинул неподвижный, но странно легкий сверток через плечо.

Поднялся на ноги. Колени дрожали. Во рту стоял привкус пепла и дешевого офисного пластика.

Он сделал шаг прочь от воды. Затем второй. Третий. Каждый шаг отдавался тупой болью в висках — фантомной болью утраченных воспоминаний. Он нес домой чужого человека, спасенного ценой собственной души, и единственное, что он знал наверняка — завтра утром, заваривая кофе, он не поймет, зачем сварил две порции.

Глава 2. Молитва отчаявшегося

Асфальт под ногами казался раскаленным. Джон бежал по старой военной дороге, петляющей между скалами и редким сосняком, не чувствуя ни веса тела Лили на своем плече, ни ледяного ветра, пробирающегося сквозь прожженную в нескольких местах куртку. Его легкие горели огнем — настоящим, магическим пламенем, которое клокотало в груди, пытаясь вырваться наружу от переизбытка адреналина и паники.

Он выскочил на парковку у подножия холма, где оставил свой старенький «Сааб». Машина была припаркована криво, одним колесом заехав на бордюр. Ключ никак не попал в замок зажигания. Пальцы Джона дрожали так сильно, что суставы побелели. Металл лязгнул о металл раз, другой, третий. На четвертый раз ключ просто согнулся.

— Да чтоб тебя! — взревел он, ударив ладонью по рулю.

От удара сработала подушка безопасности. Ткань с оглушительным хлопком выстрелила ему в лицо, отбросив голову назад. Нос хрустнул. Боль отрезвила его лучше любого нашатыря. Кровь хлынула на губы, соленая, горячая. Он рванул опавшую подушку, сорвал крепления и выбрался из машины.

До города десять километров. Бежать с телом на руках он

не сможет — через километр мышцы откажут, а пульсирующая агония в голове от разорванной ментальной связи превратит его в пускающего слюни идиота. Оставлять ее здесь одну, даже завернутую в куртку, было нельзя. Прилив начнется через час, и туман уже начал выползать из низин, густой и белый, как кипяченое молоко.

Решение пришло само собой, дикое и единственно верное для человека, чья нервная система сейчас работала на чистом кортизоле и магии.

Джон вернулся к обрыву, туда, где камни были сухими. Аккуратно, почти нежно, опустил тело Лили на плоский валун, предварительно подстелив свою собственную рубашку. Она лежала неподвижно. Слишком неподвижно. Даже во сне люди дышат. У нее же грудная клетка была каменной. Идеальная восковая фигура, над которой потрудился гениальный, но безумный скульптор.

Его било крупной дрожью. Не от холода — внутри него самого сейчас плавилась сталь. Магический откат после сделки с Элей наступал волнами. Каждый раз, когда он пытался вспомнить, почему этот бледный рот кажется ему родным, затылок простреливала боль, похожая на вбивание гвоздя. Но чувство долга осталось. Оно сидело глубже памяти, в костном мозге. *Доставить домой.*

Первым делом нужно было согреть ее. Температура ее тела падала. Гипотермия убьет то небольшое, что оставила ей морская тварь, быстрее, чем это сделает время.

Джон упал на колени рядом с ней. Положил обе ладони ей на солнечное сплетение. Закрыв глаза.

Призыв огня всегда начинался с центра. Нужно было найти ту искру, что дремлет в каждой живой клетке. Обычно она отзывалась мгновенно, радостным рыком голодного зверя. Сейчас... сейчас было иначе. Зверь был ранен. Он забился в самый темный угол души и глухо рычал оттуда, отказываясь выходить. Каждое движение маны отдавалось эхом пустоты там, где раньше вибрировала серебряная нить Лили.

— Давай, — прохрипел Джон, впиваясь ногтями в ткань своей рубашки на ее груди. — Ради всего святого, давай!

Он толкнул энергию. Тонкую струйку плазмы по меридианам рук.

Кожа Лили пошла красными пятнами. Это не был здоровый румянец. Это был ожог первой степени. Джон слишком сильно давил, его контроль рассыпался вместе с рассудком. Запахло палеными волосами.

— Прости, прости, я... я осторожнее, — зашептал он, сбивая жар кончиками пальцев.

Он попытался действовать тоньше. Создать вокруг нее кон теплого воздуха. Воздух подчинялся еще хуже. Пирокинетик до мозга костей, он никогда не владел аэромантией, даром Лили. Попытка нагреть молекулы газа без использования чистого пламени выглядела жалко. Вокруг них закружился пыльный смерч, бросая песок в открытые, стеклянные глаза девушки.

Джон зарычал от бессилия и переключился на то, что умел лучше всего. Он сформировал в ладонях плотный шар плазмы величиной с яблоко. Светящийся, гудящий от напряжения сгусток абсолютного тепла. Он медленно, миллиметр за миллиметром приблизил его к ее боку, удерживая на расстоянии десяти сантиметров. Жар должен был проникнуть внутрь, разогнать кровь, заставить сердце сделать хотя бы один неуверенный толчок.

Прошло пять минут. Десять.

Шар жег его собственные руки, мускулы предплечий ходили ходуном от колоссального напряжения. Лицо Джона покрылось испариной. Капли пота смешивались с кровью из разбитого носа и падали на закрытые веки Лили.

Ничего. Абсолютно ничего. Ни единого сокращения диафрагмы. Ее тело оставалось набором остывающих биологических тканей. Тепло грело лишь поверхность, создавая чудовищный контраст: снаружи — летнее полуденное солнце, внутри — арктическая стужа смерти.

Джон развеял плазму. Ладони болели невыносимо, кожа пошла пузырями. Он посмотрел на свои руки, затем на нее. Логика кричала, что пора остановиться. Что нужно вызвать скорую, пусть они зафиксируют смерть, заберут тело в морг. Пусть все будет по протоколу. Человеческому, понятному, холодному протоколу.

Но человеческое в Джоне закончилось там, на скалах, вместе с памятью о цвете ее глаз.

Он наклонился ниже. Прижался ухом к ее губам, задержав собственное дыхание. *Тишина.* Ни малейшего движения воздуха. Только ритмичный, равнодушный шум прибора внизу.

Тогда он сделал то, что делают герои плохих мелодрам. То, что делают люди, исчерпавшие все научные и магические доводы перед лицом вечности.

Он зажал ей нос пальцами. Накрыл ее рот своим, вкладывая в это касание всю оставшуюся нежность вселенной, которая стремительно сжималась до размеров этого холодного камня. И выдохнул.

Воздух пошел тяжело, преодолевая сопротивление окочевших связок. Грудь Лили приподнялась — механически, движимая давлением его легких. Джон отстранился. Грудь упала с тихим, влажным всхлипом. Вода, та самая древняя вода Северного моря, булькнула в мертвом горле.

Снова. Глубже. До боли в щеках. Раздуть угли, которых нет. Поднять мертвый корабль со дна.

Вдох. Выдох. Пауза. Вдох. Выдох.

Ритм искусственного дыхания вошел в резонанс с ритмом волн. Однообразный, гипнотический, сводящий с ума цикл. Сорок циклов. Шестьдесят. Девяносто.

Джон оторвался от ее губ, тяжело дыша. Его собственная кровь капала ей на подбородок. Красные бусины на белой коже.

— Дыши! — крикнул он, отвечивая ей легкую пощечину. Звук получился плоским, неприятным. — Очнись, черт

возьми! Ты обещала научить меня готовить рамен, ты обещала съездить со мной в Берген смотреть северное сияние! Какого черта ты спишь?!

Он схватил ее за плечи и начал трясти. Голова Лили безвольно моталась из стороны в сторону, как у сломанной куклы.

— Я отдал всё! — голос Джона сорвался на визг, пугающе высокий для мужчины его комплекции. — Всё, слышишь?! Я продал душу этой морской суке! Я забыл твою улыбку, твой смех, запах твоего дурацкого цветочного чая! Я выгреб из себя самое дорогое, чтобы тебе не пришлось лежать на дне с крабами! Так вставай! Обязана встать!

Он отпустил ее плечи и снова сложил руки замком. Надавил на грудину. Хруст. Это сломалось ребро. Сухой, отчетливый звук ломающейся кости. Для реанимации это нормально, учили их на курсах спасателей. Сломанное ребро — признак того, что нажатие достаточно глубокое, чтобы продавить остановившееся сердце.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Надавливания следовали одно за другим, превращая грудную клетку в месиво. Шестнадцать. Семнадцать. Восемнадцать. — Ну же! — орал он в серое небо. — Искра! Дай мне хоть искру! Электростимуляция! Любой маг воды смог бы запустить электролиты! Где вы все, святые ублюдки, когда надо?!

Он прекратил массаж. Замер, нависнув над ней, опираясь руками о камень по бокам от ее головы. Его мир сузился до

этого белого лица. Безумие отступало, оставляя после себя выжженное поле абсолютной, звенящей пустоты. Сделка с Элей оказалась насмешкой. Ему оставили способность чувствовать горе, но отобрали причину этого горя. Он плакал по чужому человеку, чьего имени даже не мог вспомнить.

И тогда прорвало дамбу.

Это не были обычные слезы. Когда плачет обычный человек, его горе эгоистично — мы сожалеем о том, чего нам будет не хватать. Слезы Джона были актом чистой, разрушительной воли. Каждая капля, срывающаяся с его ресниц, несла в себе заряд стихийной энергии. Они светились изнутри тусклым багровым светом, словно капли расплавленного рубинового стекла.

Они падали на серый прибрежный песок.

И песок вскипал.

Там, куда падала первая слеза, образовалась воронка из раскаленного стекла. Вторая создала идеально ровную полусферу кварца. Третья сплавила песчинки в черный обсидиан. Джон не замечал этого. Склонившись над ней, сотрясаясь в беззвучных рыданиях, он заговорил. Сначала тихо, потом все громче, пока шепот не превратился в гулкий, заполняющий побережье бас:

— Кто-нибудь... — прошептал он в никуда. — Мне плевать кто. Если ты есть. Бог Авраама, Исаака и Иакова, которому молится моя бабка в своей церкви под Псковом... Великий Пантеон Стихий, Огонь, Земля, эта проклятая Во-

да, что забрала ее... Древние Титаны, Спящие в Марианской впадине... Демоны Четвертого Круга, приходящие за неоплатными долгами...

Он поднял залитое кровью и слезами лицо к небу. Низкие облака висели так близко, что казалось, можно дотронуться до них рукой.

— ...Светлые Архангелы с золотыми мечами, если вам вообще есть дело до одного глупого пирокинетика и девчонки, которая любила считать чаек... Все вы! Слышите? Я обращаюсь ко всем сразу! Я нарушаю закон Равновесия! Я плюю на вашу Великую Нейтральность!

Он задрал рукав прожженной куртки. Достал из кармана джинсов швейцарский нож. Щелкнуло лезвие. Одним резким движением он полоснул по левой ладони. Кровь брызнула густая, темная, пахнувшая железом и сгоревшим порохом — его личная метка мага.

— Заберите остальное! — выкрикнул Джон, размахивая окровавленной рукой, разбрызгивая алые капли на ее одежду, на камни, на воду. — Хотите мою жизнь? Забирайте! Прямо сейчас. Остановите мое сердце. Заставьте мои легкие лопнуть. Я отдаю вам свое право на завтра. Свое будущее. Свою свободу. Всё, что осталось в этом гребаном сосуде, берите оптом! Но вытащите ее. Верните. Почините. Воскресите. Я требую исключения из правил! Я предлагаю сделку любому, кто услышит!

Он стоял на коленях посреди импровизированного алтаря

из спекшегося песка, истекая кровью, глядя в равнодушное скандинавское небо широко раскрытыми, абсолютно сумасшедшими глазами.

— Слышите меня?! — проревел он так, что стая птиц испуганно взлетела с дальнего утеса. — Я, Джон Паттерсон, сын Эдварда, внук ведьмы Агаты, отрекаюсь от статуса нейтрала! Я объявляю войну вашему порядку! Если она не откроет глаза в ближайшие тридцать секунд, я буду сжигать храмы. Я высушу реки. Я стану чумой вашего мира, пока вы не вернете мне мою лили!

Наступила тишина.

Такая глубокая, какой не бывает даже в вакууме. Ветер умер. Чайки замерли в воздухе, повиснув нелепыми чучелами. Даже море перестало шуршать галькой, втянув языки волн обратно в пучину. Весь полуостров Эстфолл, вся Норвегия, весь мир зависли в одной точке времени.

Давление упало. Уши заложило ватой, а затем в этой абсолютной пустоте раздался звук. Тихий, сухой щелчок, похожий на взводимый курок или на поворот гигантского ключа в невидимом замке.

Облака прямо над головой Джона начали вращаться. Медленно, против часовой стрелки, образуя идеальную спиральную галактику жемчужного цвета. Центр спирали стал истончаться, прогибаясь вниз, к земле. Пространство затрещало по швам, как дешевая ткань. Воздух потерял влажность и запах соли. Теперь он пах озоном, старым пергаментом и

пылью библиотек, которые никто не открывал тысячу лет.

Из центра воронки начало проявляться свечение. Не теп-
лое золото солнца и не агрессивный багрянец ада. Это был
цвет стерильной белизны, разбавленный серебром лунного
света и синевой полярной ночи.

Фигура опускалась медленно, игнорируя законы гравита-
ции. Она не шла по воздуху — она собиралась из самих фо-
тонов, уплотняясь с каждым мгновением.

Сначала возник контур длинного, до пола, одеяния, на-
поминающего судейскую мантию, сотканную из застывшего
дыма. Затем появились очертания широких плеч. Рост фи-
гуры превышал два метра, и каждое ее движение заставля-
ло пространство слегка искажаться, двоиться, словно смот-
ришь через толстый слой плохого стекла.

Она — ибо силуэт обладал женственными, хоть и строги-
ми линиями — остановилась в полуметре над землей. Босые
ноги, состоящие из текучего жидкого серебра, не коснулись
песка. Песок под ними замедлил свое падение, каждая пес-
чинка зависла в воздухе, пойманная в янтарь мгновения.

Джон смотрел на нее снизу вверх. Он больше не кричал.
Адреналин вытек из него вместе с кровью из порезанной ла-
дони. Остался только липкий, холодный ужас существа, при-
зававшего нечто настолько могущественное, что оно может
уничтожить Солнечную систему одним вздохом.

Гостя медленно подняла руку. Рука не имела четких ана-
томических деталей — пальцы удлинялись и утончались, за-

канчиваясь светящимися иглами. Она указала на грудь Лили.

Голос, который прозвучал следом, не имел источника. Он родился прямо в центре черепа Джона, заполнив собой каждую полость, каждый нерв. — **Ты нарушил Завет Неприкосновенности Потока.**

Голос не был гневным. В нем не было эмоций вообще. Ровный, математически точный баритон, которым могла бы говорить сама энтропия.

— Я знаю, — просипел Джон. Горло пересохло. Он кашлянул, выплевывая сгусток крови. — Я в курсе условий. Я готов платить.

Фигура плавно повернула голову. Лицевой части у нее не было — там клубилось такое же жемчужное облако, в глубине которого вспыхивали и гасли созвездия. Но Джон чувствовал взгляд. Взгляд триллиона глаз, смотрящих одновременно из прошлого и будущего.

— **Ты призвал всех. Свет, Тьму, Хаос, Порядок. Вы, смертные, делаете это постоянно, когда ваши хрупкие сосуды дают течь. Вы предлагаете жизни, души, континенты. Смешно.** — Облако на месте лица дрогнуло, имитируя вздох. — **Но сегодня твоя ставка принята. Не всеми. Мною.**

Пространство вокруг нее пошло мелкой рябью. Джон заметил, что капли его крови, висящие в воздухе, перестали падать. Время здесь действительно текло иначе.

— Кто... кто ты? — выдавил Джон.

Фигура вытянула вперед вторую руку. Между ее ладонями натянулась тонкая, вибрирующая нить золотистого света. Она пульсировала в такт чему-то невидимому.

— У меня много имен. Мойры называют меня Необходимостью. Ваши ученые дали мне индекс Тау-прим. Священники вашей секты огнепоклонников поминают меня в своих еретических текстах как Карающую Линейку. Но для таких, как ты, существ, живущих исключительно в текущем моменте, у меня есть более простое имя.

Ее рука — теперь уже вполне человеческая, женская, с длинными пальцами — опустилась вниз и коснулась лба Лили. Там, где под кожей скрывался эпифиз. Палец прошел сквозь кожу, кость и мозг, не оставив видимого отверстия, лишь слабое голубоватое свечение под покрывами.

— Меня зовут Кайрос. Я есмь Благоприятный Момент. Я — тот единственный миг между вдохом и взрывом гранаты. Я — пауза между ударом сердца и последним хрипом. Я — Дух Времени. И я крайне недоволен тем, что ты пытаешься обмануть физику трупным окоченением.

Джон сглотнул. Имя отозвалось в его душе похоронным звоном. Древние боги. Те, кто существовал до разделения на ангелов и демонов. Хранители законов Вселенной.

— Тогда исправь это, — дерзко бросил Джон, собрав

остатки своей наглости. — Ты же Повелитель Моментов. Найди момент, когда камень еще не коснулся ее головы. Перезагрузи файл.

Кайрос убрала палец от головы Лили. Та осталась лежать прежней восковой куклой. Дух Времени перевел свой бесформенный взор на Джона.

— Невозможно. Линия причинности закалена. Камень упал. Череп треснул. Вода вошла в альвеолы. Чтобы отменить это событие, мне пришлось бы переписать траекторию каждого атома в радиусе пяти километров за последние семнадцать минут. Это вызовет каскадный коллапс вероятностей. Ваш город перестанет существовать. Допустимые потери неприемлемы.

— Значит, всё зря? — голос Джона дрогнул. — Эта тварь из моря... Элей... она украла память напрасно?

— Элей — паразит. Комар на теле океана. Она торгует иллюзиями покоя. Она дала твоей девушке анестезию перед смертью, не более. Но она затронула мой сектор ответственности. Сон — это тоже течение времени. А она прервала его течение грубым вмешательством.

Кайрос посмотрела на горизонт. Солнце, скрытое за тучами, пыталось пробиться лучом, и этот луч запутался в складках ее дымчатой мантии.

— Однако... — продолжила она, и в бесконечном го-

лосе впервые промелькнула интонация, похожая на любопытство. — Однако сделка, заключенная тобой, уникальна. Ты обменял воспоминания на отсутствие посмертных травм. Формально контракт закрыт. Объект чист. Но объект биологически инертен. Нет анимы. Душа ушла по Серебряной нити, которую перерубила Элей.

— Так верни ее! — снова взвыл Джон, делая шаг вперед. Жар его собственной магии рефлекторно дернулся защитить хозяина, опалив рукав мантии Кайрос. Дух Времени даже не шелохнулся, лишь край ее одежды осыпался пеплом. — Засунь ее обратно! Скажи, куда идти! Я найду эту нить, я проплыву через Лимб, я...

— Ты не пройдешь и первого фильтра,— отрезала Кайрос. — Ты силен, мальчик. Твоя ярость способна плавить базальт. Но ты слеп. Ты пытаешься починить сложный часовой механизм ударами молотка. Душа Лили сейчас находится в Заливе Отражений. Она видит свою жизнь наоборот, растворяясь в свете. Через три часа по вашему исчислению она станет чистым квантом информации и потеряет возможность реинкарнации в этом цикле. Навсегда.

Три часа. Срок, озвученный Элей. Джон почувствовал, как надежда, мерзкая, цепляющаяся за стенки желудка, поднимает голову.

— Три часа, — повторил он. — Дай мне эти три часа.

Скажи, как вернуть ее. Какой ритуал провести? Чьей кровью расписаться?

Кайрос медленно опустила руки вдоль тела. Золотая нить между ее ладонями исчезла. Вместо этого из кончиков ее пальцев начала сочиться вязкая, черная субстанция, похожая на старую ртуть. Она капала вниз и впитывалась в песок, который тут же замерзал, покрываясь узорами идеальной геометрии.

— Проблема не в печати,— произнесла она. — Проблема в носителе. Душа похожа на ветер. Ей нужен парус. Твое предложение отдать жизнь романтично, но бесполезно. Твоя жизнь — это биологическое электричество. Оно поддерживает работу мышц, но не является строительным материалом для личности. Тебе нужна эссенция. Первородный код творения.

— Где его взять? — Джон пошатнулся. Кровопотеря брала свое, комната перед глазами начала медленно кружиться. — В Ватикане? В пирамидах?

— Здесь,— Кайрос ткнул пальцем-светом в грудь Джона. — И здесь.— Палец переместился на лоб Лили. — Вы оба являетесь носителями редких мутаций. Ты — катализатор. Источник избыточной кинетической энергии. Она — конденсатор. Аэромант высшей пробы, способная удерживать структуру сознания в турбулентных потоках. Ваша связь... ваш Симбиоз... создал уникальный резонанс. Частоту, на которой поет сама

Вселенная.

Джон нахмурился, пытаясь собрать распадающиеся мысли. — Резонанс убил ее. Камень срезал частоту.

— **Камень срезал физическую оболочку,** — терпеливо, как ребенку, пояснила Дух Времени. — **Но частота осталась в эфире. Она звенит. Я слышу этот звон. Он раздражает слух. Словно оборванная струна контрабаса.**

Кайрос сделала шаг вперед. Расстояние между ними сократилось. Теперь ее лицо находилось в дюймах от лица Джона. Из клубов жемчужного дыма на него смотрели два вертикальных зрачка, черных, как провалы в бездну.

— **Я могу дать тебе инструмент. Способ соединить оборванное. Но цена изменится. Жизнь за жизнь — это арифметика для крестьян. Мы переходим в высшую математику.**

— Назови цену, — выдохнул Джон. Он был готов продать родину, честь и умение ходить ради одного-единственного мига, в котором она откроет глаза.

Кайрос протянула руку. На ее ладони лежал предмет, которого секунду назад там не было. Небольшой, размером с фалангу пальца, кристалл. Внутри него метался крошечный вихрь. Иногда он принимал форму птицы, иногда — языков пламени, иногда — профиля Лили.

— **Этот осколок содержит чистую темпоральную энергию. Ветвь реальности, где камень пролетел ми-**

мо. Параллельный кадр пленки. Если ты внедришь его в ее сердечный узел и разрядишь, структура ее тела перестроится согласно этому кадру. Рубцы исчезнут. Вода выйдет из легких. Сердце запустится.

Джон жадно смотрел на кристалл. Надежда стала почти болезненной.

— Просто дай его мне.

— **Я не даю. Я инвестирую,** — поправила Кайрос. Кристалл поднялся с ее ладони и поплыл по воздуху к лицу Джона, излучая мягкое тепло. — **Чтобы стрела долетела до цели, тетива должна быть отпущена. Закон сохранения импульса распространяется и на судьбы. Если я потрачу энергию на восстановление этой конкретной ветки вероятности, баланс потребует изъятия аналогичного объема потенциала из другого сектора.**

— Из какого? — прошептал Джон, боясь дышать, чтобы не спугнуть видение спасения.

Кайрос указала на закатанный рукав Джона, на свежий, кровоточащий порез на его ладони.

— **Из твоего дара.**

Сердце Джона пропустило удар. — Моей магии? Забирай. Я стану обычным человеком. Мне плевать.

Дымчатые черты Кайрос исказились в подобии снисходительной усмешки. — **Твоя магия — побочный продукт. Генетический шум. Нет. Я заберу твой потенциал развития. Ту часть тебя, которая отвечает за трансцен-**

дентность.

Она коснулась пальцем своего собственного виска. — Люди делятся на две категории, Джон Паттерсон. Те, кто проживает отведенный срок. И те, кто способен эволюционировать в Высшие Формы. Пробужденные. Те, чьи души после смерти становятся частью коллективного разума, архитекторами миров, хранителями Границ. Ты принадлежал ко второй категории. Твоя душа имела коэффициент преломления девять единиц. После смерти ты должен был стать младшим регистратором Кармического Бюро. Хорошая карьера для бессмертия.

Кристалл подплыл вплотную к груди Джона. — Я забираю твои крылья, прежде чем они успели вырасти. Я запечатываю твой дух в рамках человеческого цикла. Ты родишься, проживешь обычную, серую, ничем не примечательную жизнь длиной в семьдесят-восемьдесят лет, будешь страдать от налогов и болей в спине, состаришься и умрешь в одиночестве или окружении внуков. Никакой магии. Никаких знаков свыше. Никакого голоса Вселенной в твоей голове. Полная духовная кастрация. Ты станешь пылью. Окончательно и бесповоротно.

Удар был сильнее, чем новость о смерти Лили. Осознание собственной исключительности, пьянящее чувство причастности к тайнам мироздания — всё это было фундаментом

личности Джона. Магия была не просто силой. Она была доказательством того, что он имеет значение. Что он больше, чем цифры в зарплатной ведомости страховой компании.

Стать никем. Обычным мясным автоматом. Навсегда потерять способность зажигать свечи взглядом.

— Делай, — сказал он, не узнавая собственного голоса. Он звучал ровно. Слишком ровно. — Мне всё равно, кем я буду в следующей жизни. Мне важно, с кем я буду в этой.

Кайрос смотрела на него бесконечно долго. Века текли в ее глазах-провалинах. — **Какая расточительность,** — наконец констатировала она. — **Любовь вида Homo Sapiens — самое неэффективное топливо во Вселенной. И самое яркое.**

Она щелкнула пальцами свободной руки.

Время рухнуло обратно в привычное русло. Ветер завыл. Море ударило о берег.

Кристалл из временной ветви вонзился в грудь Джона. Физической боли не было. Было ощущение, будто через грудную клетку пропустили высоковольтный кабель. Энергия рванула вниз, сквозь диафрагму, сквозь мышцы живота, ища цель.

Джон, действуя на чистых инстинктах, перехватил кристалл, ставший вдруг горячим, как ядро звезды, и резко развернулся к телу Лили.

— Откройся, — прорывал он, занося руку над ее левым соском, прямо над сердцем.

Кожа Лили разошлась под его пальцами, не оставив раны — края сомкнулись сразу же, как только кристалл провалился внутрь грудной полости.

Джон нажал. Впрыснул в артефакт всю оставшуюся в нем жизненную силу, всё отчаяние, всю любовь, приправленную вкусом собственной крови.

Кристалл внутри тела Лили вспыхнул ослепительно-белым светом.

Раздался звук, похожий на треск разрываемого полотна. Плоть, мышцы и кости девушки пришли в движение. Это не было похоже на конвульсии. Это было омерзительное, захватывающее зрелище обратной анатомии. Сломанные ребра с влажным хрустом встали на место. Рассеченная кожа на виске сошлась, затягиваясь розовым рубцом. Синюшный оттенок кожи сменился молочной бледностью, а затем — легким персиковым румянцем.

Лили выгнулась дугой, отрывая спину от камня. Из ее рта хлынул столб черной морской воды, смешанной с песком. Она кашляла, захлебываясь, содрагаясь всем телом, пытаясь вдохнуть воздух обожженными легкими.

Джон упал на нее сверху, придавливая к камню, придерживая быющую в припадке девушку. — Тише, тише, девочка, всё хорошо, я держу...

Он гладил ее по мокрым волосам, смеясь и плача одновременно, размазывая грязь по своему собственному лицу. Она жива. Господи, она теплая. Она дышит. Мерзкий, сип-

лый, рваный вдох живого человека был лучшей симфонией, которую он слышал.

Кайрос наблюдала за ними сверху вниз. Жемчужное свечение вокруг нее начало тускнеть, рассеиваться утренним туманом.

— **Долг погашен,**— прошелестел ее голос, теряя плотность. — **Баланс восстановлен. Ты получил свои три часа, Джон Паттерсон. Хотя технически прошло четыре секунды моего времени. Наслаждайся своей победой. И своей человечностью.**

Последние слова прозвучали почти с жалостью.

А затем она исчезла.

Не растворилась, не улетела. Просто в какой-то момент пространства, где она стояла, стало на несколько атомов меньше, и реальность схлопнулась, заняв образовавшуюся пустоту.

Ветер снова стал просто ветром. Холодным, пронизывающим норвежским ветром.

Лили продолжала кашлять, вцепившись в плечи Джона своими маленькими, сильными пальцами. Живыми пальцами.

— Джон... — просипела она между спазмами. — Что... где мы? Моя голова...

Она попыталась поднять руку к виску и зашипела от боли, ощупывая корку запекшейся крови и идеальный, гладкий шрам под волосами.

— Всё хорошо, — бормотал Джон, целуя ее в макушку, вдыхая запах водорослей и ее собственный, неповторимый запах, который внезапно вернулся в его память острым, режущим ножом. Он вспомнил всё. Утюг. Библиотеку. Первый поцелуй. Цвет ее глаз — чайный, с золотой каймой вокруг зрачка. Вспомнил ценой своей будущей вечности. — Я просто неудачно выбрал место для пикника. Мы едем домой.

Он помог ей сесть. Девушка дрожала, кутаясь в остатки его куртки. Она была слаба, как новорожденный котенок, но она была здесь. Живая аномалия в уравнении смерти.

Джон встал, пошатываясь. Голова кружилась от кровопотери. Он посмотрел на свои руки. На глубокий порез на ладони. Регенерация мага уже должна была закрыть такую царапину, стянуть края плоти за минуты.

Порез оставался открытым. Кровь продолжала капать на песок.

Он попытался призвать огонь. Сформировать маленький огонек на кончике пальца, чтобы согреть замерзшие руки Лили.

Пустота.

Абсолютная, глухая, серая стена там, где раньше бушевала стихия. Он напрягся до кровавых кругов перед глазами. Дернул за ту внутреннюю цепь, которая десятилетиями откликалась ревом дракона. Цепь натянулась и со звоном лопнула.

Ничего.

Магия ушла. Не заблокировалась, не спряталась на глубину. Она просто была выкуплена. Выплачена по счету, предъявленному мужчиной в жемчужной мантии.

Джон посмотрел на горизонт. Солнце наконец пробило тучи. Обычное, скучное октябрьское солнце.

Обычный мужчина. Обычная девушка. Мокрые, грязные, раненые, стоящие на берегу залива, где только что произошло чудо, оплаченное будущим.

— Пойдем, — сказал он, подставляя ей плечо. — Нам нужно поймать попутку до города. И купить пластырь. Много пластыря.

Лили оперлась на него, все еще мелко дрожа, но послушно сделала первый шаг. Она не знала, что этот путь до дороги займет восемьдесят лет человеческой жизни, лишенной права на волшебство. А Джон знал. И впервые в жизни мысль о восьмидесяти годах старости показалась ему самой сладкой музыкой небес.

Глава 3. Дар или Проклятие?

Звук работающего двигателя показался Джону оскорблением.

Обычный, ритмичный рокот дизеля старого «Вольво», который подобрал их на обочине шоссе Е6, никак не вязался с тем космическим диссонансом, что все еще звенел в его зубах после визита Кайрос. Водитель — пожилой норвежец в толстых очках и вязаной шапке-петушке, натянутой по самые брови — молча крутил руль, изредка поглядывая в зеркало заднего вида на странную парочку на заднем сиденье.

Его взгляд скользил по Лили, которая свернулась калачиком, дрожа под двумя куртками (своей прожженной и той, что Джон снял с себя), а затем цеплялся за самого Джона. Вероятно, водитель видел перед собой просто двух студентов-неудачников, попавших в шторм, или жертв домашнего насилия. Синяк на челюсти Джона, разбитый нос и кровь на воротнике вполне вписывались в эту картину. Старик предпочитал скандинавскую сдержанность: он включил обогреватель посильнее и сделал радио чуть громче, заполняя тишину прогнозом погоды.

Лили спала. Или делала вид, что спит. После того как она выплеснула остатки морской воды на камни, ее организм отключился, перейдя в режим аварийной консервации. Она

дышала ровно, глубоко, но каждый этот вдох давался ей с видимым усилием, словно легкие заново учились работать с кислородом вместо жидкой смерти. Шрам на виске был скрыт волосами, но Джон знал, что он там. Идеально гладкая, белая линия. Метка сделки.

— Ты помнишь? — тихо спросил он, наклонившись к самому ее уху, чтобы перекрыть шум мотора.

Лили медленно приоткрыла глаза. Чайный цвет радужки вернулся, но сейчас в нем плескалась мутная пелена боли и дезориентации. — Помню... холод, — прошептала она потрескавшимися губами. — А потом тепло. Как будто меня завернули в толстый плед. И твой голос. Ты ругался на каком-то старом языке. Словно проклинал богов.

Джон сглотнул ком в горле. Богов он действительно проклинал. На всех известных и неизвестных диалектах пантеонов. Но это было *после*. Между падением и теплом была пустота длиной в вечность, которую теперь предстояло заполнить только ему одному.

— Спи, — он осторожно поправил воротник ее куртки. — Мы скоро будем дома.

Дорога до Осло заняла сорок минут. За это время серый рассвет окончательно победил ночь, обнажив мокрый, блестящий асфальт и унылые коробочки пригородных домов. Когда машина остановилась у подъезда их старой кирпичной пятиэтажки, Джон расплатился наличкой — последними кронами из кармана, оставив себе лишь пару монет на

метро. Он понятия не имел, как будет жить дальше без доступа к банковским счетам, которые наверняка заморожены магическим надзором после такого выброса энергии, но эта проблема казалась ничтожной.

Квартира встретила их запахом остывшего кофе и озона. Тот самый уют всё еще стоял на гладильной доске в гостиной. Тяжелая льняная скатерть почернела и пошла дырами там, где раскаленная подошва коснулась ткани. Пожар не случился чудом — сработал датчик дыма, установленный управляющей компанией неделю назад. Квартира выглядела так, будто хозяева вышли на пять минут, забыв выключить прибор. Иллюзия нормальной жизни, от которой хотелось выть.

Джон помог Лили добраться до дивана. Уложил ее, укрыл шерстяным пледом, найденным в шкафу. Достал аптечку. Обработал свои раны — глубокий порез на ладони уже перестал кровоточить, затягиваясь обычной, человеческой бледной пленкой шрама. Никакого золотистого свечения регенерации. Только зуд и тупая боль.

Он прошел на кухню. Руки действовали механически: чайник, две чашки, аспирин. Пока вода закипала, Джон смотрел в окно на серую стену соседнего дома. Магический резервуар внутри него ощущался как выжженное поле. Черное, пахнущее гарью дно. Сколько бы он ни тянул за внутренние нити, ответом была лишь сосущая пустота. Дух Времени не обманул. Он вырвал двигатель из исправного авто-

мобилия и оставил ржавый кузов гнить на свалке обыденности.

Щелчок выключившегося чайника заставил его вздрогнуть. Джон заварил крепкий черный чай, бросил туда три ложки сахара для Лили и понес кружку в гостиную.

Она лежала в той же позе, подтянув колени к груди. В утреннем свете, падающем из окна, ее лицо казалось почти здоровым, если бы не синеватые тени под глазами.

— Выпей, — сказал Джон, присаживаясь на край журнального столика. — Сахар. Тебе нужны углеводы.

Лили послушно приподнялась на локтях. Ее пальцы, принявшие кружку, мелко тряслись. — Что произошло на пляже, Джон? — спросила она прямо. Играть в «я поскользнулась» они оба больше не могли. — Я помню удар. Помню воду. Помню вкус крови во рту. А потом... я видела тебя. Ты горел. Весь, целиком. И ты кричал куда-то вверх. Звук ломал стекла в витринах внизу улицы, хотя мы были на скалах.

Джон смотрел, как она пьет чай мелкими, осторожными глотками. Каждое ее движение отзывалось в его сердце смесью невыразимой нежности и ледяного ужаса. Она жива. Это главное. Но цена...

— Там был кто-то, — начал он, тщательно подбирая слова, стараясь избегать терминов вроде «Дух Времени» или «космический баланс». — Древний. Сильнее Стихий. Он вытащил тебя. Откатил повреждения тканей. Но потребовал плату.

— Платить чем? — Лили отставила кружку. Ее зрачки расширились от страха. — Нашим домом? Моими воспоминаниями? Я чувствую дыры, Джон. Я знаю, что должна помнить что-то важное о нас сегодня утром, но там... туман.

— Нет-нет, — поспешно возразил он, беря ее холодную руку в свою. — Твоя память цела. Почти. Он взял мою. Мою силу. Всё, что делало меня пирокинетиком. Всю ману. До последней искры.

Лили смотрела на него непонимающе несколько секунд. Затем перевела взгляд на его ладонь. На идеальный, уже затянувшийся розовый шрам там, где час назад была рваная рана. — Ты порезался, когда резал хлеб? — предположила она слабым голосом. — Почему ты не исцелил себя? Обычно твоя кожа закрывается быстрее, чем я успеваю сказать «ой».

Вот оно. Простое, бытовое доказательство катастрофы. Раньше царапина от ножа исчезала за секунды. Теперь останется навсегда, как напоминание о его глупости.

— Потому что мне больше нечего тратить на исцеление, — глухо ответил Джон. — Я пуст. Понимаешь? Полностью стерилен. Если я сейчас попытаюсь зажечь свечу взглядом, максимум, что получится — это судорога пальца.

Лили побледнела. Она села ровнее, плотнее запахивая плед. — Стерилен? То есть... навсегда? Но ведь мана восстанавливается. Нужно время, медитация...

— Время не поможет, — перебил он. — Это не истощение ресурса. Это ампутация. Он забрал мой потенциал. Мой би-

лет в Высшие Сферы. Я стал обычным человеком, Лили. Самым обыкновенным бухгалтером со склонностью к мигреням. Никаких огненных шаров. Никаких разговоров со стихиями. Ничего.

В комнате повисла тяжелая пауза, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов в коридоре. Старые механические часы с тяжелым латунным маятником. Наследство от прежних жильцов. *Тик-так. Тик-так.*

Лили протянула руку и коснулась его щеки. Провела большим пальцем по линии скулы. — Мне жаль, — прошептала она. — Мне бесконечно жаль, что я втянула тебя в это. Из-за моей неуклюжести...

— Не смей, — резко оборвал Джон, перехватывая ее запястье. Его хватка была болезненной, отчаянной. — Никогда. Даже не думай винить себя. Если бы пришлось выбирать снова, между твоей жизнью и всей магией этого мира, я бы даже не колебался. Ни секунды. Пусть лучше я буду самым скучным смертным на планете, чем стану богом огня, сидя на твоём надгробии.

Глаза Лили наполнились слезами. Она прижалась лбом к его плечу, содрогаясь в тихих рыданиях. Они сидели так посреди разгромленной, пропахшей гарью гостиной — двое калек, выживших вопреки законам физики, нашедших утешение в абсолютном дне.

Тик-так.

Ритмичный звук вдруг изменился. Стал громче. Глубже.

Маятник в коридоре больше не качался плавно. Он дергался, словно пленка в проекторе начала зажевываться. *Тик-кх-так*. Пауза стала длиннее. *Тик...*

Джон замер.

Пустота внутри него, та самая выжженная пустыня, внезапно ощутила сквозняк. Легкое дуновение чего-то чужеродного. Оно исходило не извне. Оно тикало прямо у него в кармане джинсов.

Медленно, боясь спугнуть наваждение, Джон сунул руку в правый карман рабочей куртки. Пальцы наткнулись на холодный металл. Предмет, которого там точно не должно было быть. Он не покупал это. Не находил. Никто не мог подложить это ему, пока он нес Лили через скалы.

Он извлек предмет на свет.

Это были карманные часы. Массивные, выполненные из тяжелого, тускло отблескивающего металла, похожего на серебро, но слишком плотного, поглощающего свет. Цепочка змеей стекала сквозь пальцы. Корпус был покрыт сложной гравировкой — переплетающиеся ветви терновника складывались в узор мандалы.

Джон щелкнул крышкой.

Внутри не было привычного циферблата с римскими цифрами. Вместо них пространство под стеклом заполняла миниатюрная модель спиральной галактики. Миллиарды крошечных золотых песчинок вращались вокруг невидимого центра, подчиняясь незримому притяжению. В самом цен-

тре этой галактической пыли пульсировала одна-единственная алая точка. Сердцевина. Ядро.

Стрелок не было. Были лишь два противовеса на тонких осях, похожие на лезвия ножниц.

— Что это? — выдохнула Лили, отстраняясь от его плеча и глядя на артефакт широко раскрытыми глазами. Воздух вокруг часов едва заметно мерцал, преломляя свет лампы. Для аэроманта такой концентрации магии в маленьком объекте хватило бы, чтобы запустить торнадо в спальне.

Голос раздался не из коридора и не с кухни. Он возник прямо над левым ухом Джона, заставив волосы на шее встать дыбом. Голос Кайрос. Но в нем исчезла недавняя монументальная бесстрастность. Теперь он звучал почти интимно, с нотками плохо скрываемого веселья, граничащего с безумием.

— Это дар. Или проклятие. Выбор ярлыка оставляю тебе, мальчик. Называй их Хронометром Пересечений.

Джон вскинул голову. Комната была пуста. Лили смотрела на него, ее губы беззвучно шевелились — она не слышала голоса Духа Времени.

— Ты нарушил собственное слово, — процедил Джон сквозь зубы, сжимая часы так, что острые края гравировки впились в ладонь. Кровь выступила мгновенно. — Ты сказал, что запечатываешь меня. Сделал обычным. Зачем это?

— Я ничего не нарушал, — прошелестел голос, теперь

кажущийся шелестом сухих листьев по асфальту. — Твой дух кастрирован. Твоя связь с Истоком разорвана. Эти часы работают не на твоей мане. Они питаются гораздо более редким топливом. Тем единственным, что осталось у тебя в избытке после потери крыльев.

— Чем? — хрипло спросил Джон.

— Болью. И чувством вины. Самыми стабильными источниками энергии во Вселенной.

Крышка часов под пальцами Джона нагрелась. Алое ядро в центре мини-галактики вспыхнуло ярче.

— Ты просил исправить ошибку, — продолжила Кайрос. — Ты торговался. Рыдал. Угрожал сжечь мироздание. Типичный человеческий пафос. Я оценил его. Поэтому даю тебе инструмент. Карманный чит-код.

Лили переводила испуганный взгляд с часов на лицо Джона. Она видела, как меняется его выражение — от скорби к напряженному, хищному вниманию. — Джон, с кем ты говоришь? — тронула она его за рукав.

— Никого нет, — автоматически ответил он, не отрывая глаз от пульсирующей красной точки. — Просто думаю вслух. Объясняют правила пользования новой игрушкой.

— Правила просты, как удар камнем по затылку, — усмехнулся голос. — Видишь красную точку? Это настоящее. Текущий кадр пленки. Тот самый, где ты герой трагедии, потерявший силу ради спасения любимой. Скучный сценарий.

Один из металлических противовесов — тот, что был короче и толще — дрогнул и указал на деление, которое Джон сначала принял за случайную царапину на металле. Деления шли по окружности внутреннего корпуса. Их было двенадцать.

— **Первое положение,** — констатировал Кайрос. — **Статус-кво. Наблюдатель. Ты ходишь, страдаешь, платишь ипотеку. Часы в этом режиме показывают точное время вашей кончины. Весьма печальное зрелище, кстати. Вы умрете в один день, очень старыми и очень несчастными от того, что забыли, какими яркими могли быть.**

— Заткнись, — прорычал Джон.

— **Второе положение,** — проигнорировал его голос. Второй, более длинный и острый противовес плавно переместился на следующее деление.

Как только он встал на место, реальность моргнула.

Это не было похоже на вспышку света. Свет остался прежним — тусклый абажур люстры, желтый, пыльный. Изменилось само течение материи. Джон почувствовал, как воздух в легких становится густым, как сироп. Звуки замедлились. Дыхание Лили, только что бывшее частым и прерывистым, превратилось в тягучий, низкий гул. Капля чая, сорвавшаяся с края ее кружки на диван, зависла в воздухе, вытягиваясь в идеальную серебристую нить.

Время замедлилось примерно в сто раз.

Лили продолжала двигаться. Она удивленно посмотрела на застывшую каплю, затем на Джона. Для нее прошла секунда. Для него — целая минута наблюдения за статичной картиной.

— Что ты сделал? — ее голос прозвучал басом, вибрируя внутренностями.

— **Локальная децимация потока,** — пояснил Кайрос. — **Ты можешь ускорять или замедлять объекты касанием. Или весь сектор видимости. Полезно, когда хочешь уклониться от пули. Или досмотреть красивый закат, растянув его на сутки. Ограничение — расходует твои нервные клетки. Попробуй поддержать так минуту, и завтра голова взорвется от инсульта.**

Джон судорожно выдохнул. Он посмотрел на часы. Противовес оставался на втором делении. Он осторожно дотянулся до подвешенной в воздухе капли чая и толкнул ее пальцем. Капля лениво, преодолевая сопротивление патоки времени, полетела вниз и впилалась в обивку.

— Это контроль, — прошептал Джон. Его собственный голос тоже казался низким. — Контроль над скоростью. Физики сошли бы с ума.

— **Физика — это просто инструкция пользователя, которую вы написали сами для своего успокоения,** — фыркнул голос. — **Третье положение.**

Противовес щелкнул, перескакивая через одно деление сразу на четвертое. Короткий противовес сдвинулся следом.

Мир схлопнулся.

Не стало ни стен квартиры, ни дивана, ни запаха гари. Исчезло ощущение собственного тела. Джон оказался нигде и везде одновременно. Перед ним — точнее, *вокругнего* — развернулась колоссальная структура.

Это напоминало бесконечную библиотеку или архив Судьбы. Миллионы, миллиарды полупрозрачных серебряных нитей уходили во все стороны пространства, сплетаясь в сложнейший лабиринт. Каждая нить вибрировала, издавая свой тон. Это были жизни. Все возможные варианты существования Джона Паттерсона и Лилиан Роуз.

Вот нить, где камень пролетел мимо. Она ярко-золотая, пульсирующая здоровьем. Вот черная, узловатая жила — где Лили разбивается о камни, а Джон сжигает побережье дотла, становясь безумным элементом. Вот синяя, водянистая — где они никогда не встречались, и Джон умирает от банального инфаркта в сорок лет из-за ожирения и стресса в офисе.

Холодный ужас понимания обрушился на Джона. Третье положение часов открывало доступ к Паутине Вероятностей. К самой матрице причинно-следственных связей.

— Я могу видеть будущее, — выдохнул он, вернувшись в тело. Он сидел на том же диване, Лили держала его за руку, ее ногти больно впивались в кожу от испуга. — Я вижу ветки.

— **Ты видишь карту,** — поправил Кайрос. — **Но карта — это не территория. Четвертое положение. Самое опасное.**

Четвертый щелчок механизма отозвался болью в челюстях. Зубы заныли от вибрации изменяющегося континуума.

Алое ядро в центре часов полыхнуло, выстрелив лучом света прямо в грудь Джона. Это не было физическим светом. Луч состоял из чистой информации. Воспоминания, чувства, мышечная память — всё, что составляло личность Джона, пришло в лихорадочное движение.

Красная точка на циферблате отклеилась от текущего деления и поползла против часовой стрелки. Медленно. Один оборот. Два. Три. Она возвращалась в прошлое.

— Нет! — крикнул Джон, пытаясь остановить механизм свободной рукой. — Подожди! Объясни!

— **Поздно,** — равнодушно констатировал голос. — **Ты нажал на курок. Механизм запущен. Ты выбрал ветку. Ту самую, единственную, где Элей промахивается, а базальт остается сухим. Ветку, где ваша встреча в библиотеке происходит солнечным днем, а не под дождем. Где никто не падает со скал.**

— Но моя сделка! — взвыл Джон, глядя на Лили. Живая, теплая, совершенно здоровая Лили смотрела на него с нарастающим ужасом. — Моя плата! Потеря магии! Ты обещал, что я останусь пустым!

— **Я обещал сохранить целостность этой временной линии,** — голос Кайрос теперь раздавался со всех сторон, искаженный эффектом Доплера. — **А я перемещаю тебя на другую линию. Там ты родился другим. Там твоя**

бабка научила тебя зажигать свечи раньше, чем читать. Там ты пришел на пляж подготовленным. Там камня не было. Там вообще другие законы распределения стихийных даров.

Реальность вокруг начала рваться.

Знакомые обои в цветочек на стене пошли мелкой сеткой трещин, как пересохшая земля в пустыне. Трещины светились изнутри неонам. Диван под ними превратился в пиксельную кашу. Сама субстанция бытия оказалась хрупкой глиной, которую начали мять гигантские руки.

— Мы исчезнем здесь! — Лили вскочила на ноги, прижимаясь к Джону. Она чувствовала вибрацию распадающегося мира своей воздушной сутью. — Эта версия нас сотрется!

— **Именно!**— радостно подтвердил Кайрос. — **Вы станете призраками в собственной истории. Вас пожрет парадокс. Разве это не восхитительно? Хотя постой... Я же говорил про цену, верно? Всегда нужно платить. Баланс требует компенсации. Нельзя просто переставить пешку на другую клетку доски. Кто-то должен занять ваше место в очереди на эшафот.**

Часы в руке Джона стали невыносимо горячими. Красная точка стремительно приближалась к моменту удара. Пятнадцать минут назад. Десять. Пять.

— Кто?! — закричал Джон, перекрывая рев разрывающегося пространства. — Кто займет наше место?!

— **Самый близкий узел связи,**— сладко пропел Дух

Времени. — Тот, чья судьба намертво пришта к вашей суровыми нитками Симбиоза. Тот, чье отсутствие создаст минимальную турбулентность в глобальном узоре, но спасет вас.

Механизм издал финальный, оглушительный звон. Бронзовый колокольчик кукушки, спрятанный внутри вековечного серебра, готовился прокричать полночь конца.

Взгляд Джона метнулся к Лили. Потом на собственные руки. Потом на дверь спальни, ведущей в комнату, где стояла гладильная доска с сожженной скатертью.

И тут понимание обрушилось на него свинцовой плитой. Холоднее любых вод Северного моря.

Симбиоз. Ментальная связь. Серебряная нить. Элей перерубила ее, потому что душа Лили ушла. Но нить существовала физически, биологически. Она была встроена в их синапсы. Если Лили не упадет... если камень не найдет ее головы... нить останется целой.

А значит, удар примет на себя тот, кто держит другой конец каната. Тот, чей разум настроен на ту же частоту. Тот, чьи нейроны сгорят первыми от резонансного скачка чужой смерти.

— Ты убудок, — прошептал Джон, глядя на мерцающие часы. — Ах ты, космическая мразь.

— **Я всего лишь курьерская служба доставки справедливости,** — хмыкнул Кайрос. — **Приятного путешествия в новую жизнь. Постарайтесь не наступить на**

самих себя в коридоре.

— Джон, что происходит?! — Лили трясла его за плечи, но ее руки уже проходили сквозь ткань его куртки — молекулы их тел начинали терять сцепление с текущей реальностью. — Куда мы?!

Джон схватил ее лицо обеими руками, игнорируя то, что его ладони проходят сквозь плотность ее плоти, вызывая легкое покалывание статики. Он смотрел ей в глаза — те самые, чайные, с золотой каймой, которые он только что вспомнил ценой своей души и которые вот-вот потеряет снова.

— Закрой глаза, — приказал он. — Крепко. И не отпускай мою руку. Что бы ты ни слышала. Что бы ни почувствовала. Держись за меня.

— Я боюсь...

— Я знаю, — он поцеловал ее в лоб, вкладывая в поцелуй прощание с этим миром. — Прости меня. За всё. Особенно за то, что я сейчас сделаю.

Свободной рукой, той, что не держала Лили, он сжал корпус часов. Алое ядро пульсировало в такт с его собственным сходящим с ума сердцем.

Он довел короткий противовес до пятого, последнего деления. Того, что венчал механизм. Надпись, выгравированная микроскопическими буквами вдоль оси, гласила: «*Fiat Justitia, Ruat Caelum*». Да свершится правосудие, даже если небеса рухнут.

— Руай ат Каэлум, — повторил Джон, и его голос потонул

в звуке лопающейся вселенной.

Удар был похож на падение лифта в шахте. Желудок остался где-то на уровне чердака, а кишки провалились в пятки. Давление сменялось вакуумом с частотой тысяча герц.

Свет погас. Звук умер. Осталось только ощущение бесконечного падения сквозь игольное ушко вероятности.

А затем — жесткий, жестокий удар о твердую поверхность.

Джон упал лицом во что-то влажное и холодное. Песок. Крупный, колючий северный песок. Штормовой ветер немедленно набросился на него, швыряя в лицо горсти водяной пыли.

Он перевернулся на спину, жадно хватая ртом воздух. Легкие работали. Сердце билось. Он чувствовал каждую ссадину, каждый ушиб. Обычная человеческая боль. Благословенная, прекрасная физическая боль живого существа.

Рядом раздался стон.

Джон перекатился. Лили лежала в паре метров от него, запутавшись в ворохе одежды. Та самая рыжая дешевая куртка. Те же ботинки. Волосы мокрые.

Он подполз к ней, загребая песок коленями. — Лили? Солнышко? Скажи что-нибудь!

Ее веки дрогнули. Открылись. На Джона уставились абсолютно ясные, перепуганные, живые карие глаза. Никакого

стеклянного блеска смерти. Никакого забытья. Чистейший, первобытный страх человека, который только что понял, что падает.

— Джон? — прохрипела она. — Почему мы мокрые? Я же шла домой из магазина... Мы собирались готовить пасту...

Воспоминания догнали ее. Она резко села, ощупывая голову. Вздрыгнула, наткнувшись на запекшуюся корку крови на левом виске. — Я упала? Опять? Боже, мои ребра...

Она попыталась сделать глубокий вдох и тут же согнулась от кашля. Но кашель был сухим, бронхиальным — простудным, а не тем бульканьем утопленника. Вода не попала в легкие. Камень попал в цель.

Джон проследил направление ее взгляда.

Метрах в трех от них, на плоском, отполированном волнами валуне, лежал человек.

Мужчина. Около тридцати лет. Высокий, широкоплечий, одетый в строгий офисный костюм, совершенно неуместный на диком пляже. Темно-синий пиджак, сбившийся на сторону. Ослабленный галстук. Белоснежная рубашка, которая на глазах пропитывалась кровью.

Кровь текла из левого виска. Ровная, страшная траектория рассечения. Базальтовый выступ срезал кожу идеально точно — там же, где у Лили в предыдущей реальности был шрам.

Человек на камне захрипел. Его рука, сжатая в кулак, разжалась. Из окровавленных пальцев выкатился на мокрый пе-

сок небольшой круглый предмет. Старинные карманные часы. Гравировка терновника тускло блеснула в лучах пробивающегося сквозь тучи солнца.

Лили закричала. Диким, животным криком, полным ужаса и узнавания.

Джон смотрел на мужчину в костюме. На свое собственное лицо. Немного старше. Резче очерченные скулы. Морщины усталости у глаз, которых у нынешнего Джона еще нет. Лицо человека, прожившего долгую, одинокую жизнь страхового агента, прежде чем прийти сюда в попытке спасти кого-то другого. Лицо, полное невыплаканного горя и стальной решимости.

Старший Джон Паттерсон открыл глаза. Мутные от болевого шока, ищущие. — Получилось... — просипел он пузырящейся кровью на губах. — Вы... сухие... Значит, получилось...

Его взгляд нашел часы на песке. Затем он посмотрел на настоящего, молодого Джона, стоящего на коленях рядом с плачущей Лили. В глазах мужчины мелькнуло узнавание. И горькая, понимающая усмешка.

— Будь ты проклят, Кайрос, — выдохнул умирающий двойник. — Надеюсь... тебе понравится... мое пламя...

Его грудь последний раз поднялась. И опала. Навсегда.

Молодой Джон стоял неподвижно, как соляной столб. Механизм часов в его кармане издал тихий, издевательский щелчок заводной головки, переходя в режим ожидания.

Ветер трепал волосы Лили. Она плакала, глядя на труп незнакомца, брезгливо отползая от него подальше по песку, не понимая, откуда берется этот животный ужас перед мертвым мужчиной.

А Джон смотрел на свои руки. Он поднял правую ладонь. Сжал ее в кулак. Разжал. Ни единого ожога. Ни малейшего тепла.

Затем он сосредоточился. Напряг ту мышцу в мозгу, которая десятилетиями отвечала за призыв огня. Дернул за внутренний рычаг.

Ничего. Пустота. Серая вата обычного человеческого восприятия.

Он потерял магию. Окончательно. Цена перемещения была уплачена авансом Духом Времени, а проценты списались прямо сейчас — обмен жизненной силы старшего двойника на чистый лист младшего.

— Джон... — Лили дергала его за штанину. Слезы проложили дорожки по ее грязным щекам. — Кто это? Почему он выглядит как... почему на нем твой размер одежды? Мне страшно, пожалуйста, объясни...

Джон медленно повернул голову. Посмотрел на девушку. Живую. Теплую. Плачущую из-за сломанных ребер и простуды, а не из-за клинической смерти.

Он опустился на песок рядом с ней, привлекая ее к себе, крепко обнимая, пряча ее лицо у себя на груди, подальше от мертвого тела на камне.

— Всё хорошо, — солгал он самым спокойным голосом, на который только был способен, чувствуя, как внутри него зарождается нечто новое. Нечто страшное. Великое ничто, оставленное Кайросом на месте его будущей эволюции, начало заполняться холодной, математической яростью. — Всё просто замечательно. Мы выжили. Пойдем домой. Нам нужно вызвать полицию. Кажется, у нашего пляжа появился новый постоянный житель.

Где-то далеко над морем пророкотал гром. Первый тяжелый снаряд зимнего шторма. Небо наконец-то решило пролиться дождем.

Джон Паттерсон, бывший маг огня, ныне обычный человек с украденной судьбой, поднял голову к тучам и улыбнулся. Улыбка вышла кривой, жуткой, обнажающей десны.

Игра началась. И он собирался изучить правила управления временем до последнего винтика, чтобы однажды вернуться в ту жемчужную бездну и заставить Духа Времени подавиться собственными часами.

Глава 4. Попытка №1

— Слишком поздно

Полицейская лента неприятно хлопала на ветру. Желтый пластик, натянутый между двумя базальтовыми столбами у края парковки, казался жалкой насмешкой над тем барьером, который Джон пытался воздвигнуть вокруг этого места метафизическими силами.

Прошло сорок восемь часов с момента их возвращения.

Сорок восемь часов лжи, ледяного пота по ночам и запаха формальдегида, который въелся в кожу Джона после опознания тела в городском морге. Старший двойник лежал на стальном столе под резким светом люминесцентных ламп. Вскрытие показало обширное кровоизлияние в мозг, вызванное сочетанием черепно-мозговой травмы и колоссального выброса адреналина. Патологоанатом что-то говорил про «редкий случай спонтанной аневризмы от переутомления», но Джон слышал только одно слово, повторяющееся эхом в пустоте его новой, человеческой головы: *справедливость*.

Лили сидела в пластиковом кресле коридора следственного отдела. Ее закутали в казенное шерстяное одеяло, которое пахло хлоркой и чужим отчаянием. Она не проронила ни слова с того момента, как патрульная машина забрала их

с пляжа. Психиатр из кризисного центра дважды подходил к ней, предлагая седативные, но она лишь качала головой, глядя прямо перед собой стеклянными глазами.

Она видела труп. Труп мужчины, одетого в пиджак ее парня. Мужчины, чье лицо было искажено гримасой такого знакомого ей упорства. Это сломало ее внутренний компас точнее, чем любой удар о скалу.

Джон стоял у окна дежурной части, наблюдая за дождем. Магия ушла, но привычка чувствовать потоки воздуха осталась. Он ощущал сквозняк из неплотно закрытого окна слева, влажность, идущую от асфальта, и тяжесть дождевых облаков, нависших над Осло свинцовой крышей. Его тело помнило легкость полета и жар плазмы. Сейчас же оно казалось ему неуклюжим мешком с костями, мясным костюмом, который надели задом наперед.

— Мистер Паттерсон? — голос детектива Хансена вырвал его из оцепенения. — Мы закончили первичный опрос. Ваша... подруга... готова ехать домой?

Хансен был человеком-глыбой. Лет пятидесяти, с лицом, выдубленным северными ветрами, и взглядом, видевшим слишком много утопленников и бытовых убийств, чтобы верить в совпадения.

— Да, — коротко ответил Джон. — Ей нужно отдохнуть.

— Отдохнуть, — хмыкнул детектив, протирая очки краем рубашки. — Вы оба нуждаетесь в отдыхе. И в хорошей истории. Потому что та, которую вы мне рассказали, госпо-

дин Паттерсон, воняет хуже, чем дохлая сельдь на солнце.

Джон медленно повернулся. Детектив подошел ближе, понизив голос: — Два свидетеля видели вас вчера утром на парковке магазина «Рема» в районе Фрогнер. Вы покупали упаковку воды и пачку аспирина. На вас были те же самые джинсы. А через час служба спасения получает вызов: двое найдены без сознания на побережье Эстфолла, в сорока километрах отсюда. Добраться туда пешком за час невозможно даже для олимпийского чемпиона. Машина ваша стоит во дворе дома уже третий день, я проверял записи камер. Телепортации пока не входят в протоколы допросов. Что скажете?

Джон посмотрел на свои руки. Порез на ладони затянулся тонким розовым шрамом — обычным человеческим шрамом, который будет ныть к дождю следующие тридцать лет. — Я плохо помню события вчерашнего дня, офицер, — ровным голосом произнес он фразу, которой научился у своего мертвого двойника-страховщика. — У Лили была паническая атака. Мы гуляли. Наверное, мы взяли такси. Или попутку. Шок.

Детектив долго сверлил его тяжелым взглядом. Затем вздохнул, возвращая очки на переносицу. — Ладно. Пока дело квалифицируется как обнаружение неопознанного мужского тела без признаков насильственной смерти. Несчастный случай. Но если всплывет еще одна аномалия... Если эта девушка снова упадет со скалы или вы решите устроить по-

жар силой мысли — я лично прослежу, чтобы вашу парочку закрыли в дурдоме с мягкими стенами до конца ваших дней. Свободны.

Они вышли на улицу под холодный октябрьский дождь. Такси ждало у входа. Водитель, заметив полицейский участок, демонстративно запер двери изнутри. Пришлось ждать следующую машину.

Всю дорогу до квартиры они молчали. Лили смотрела на капли, стекающие по стеклу. Джон смотрел на Лили. Он изучал каждую черту ее лица так, будто видел впервые. Родинка на левой скуле. Едва заметная ямочка на подбородке, появляющаяся только когда она пытается сдержать улыбку. То, как она чуть морщит нос, засыпая. Все это теперь принадлежало ему украденной вещью. Он взял взаймы жизнь другого человека, заплатив за нее чужой смертью.

Квартира встретила их гробовой тишиной. Гладильная доска всё еще стояла посреди гостиной как памятник глупости. Черные дыры в скатерти напоминали воронки от снарядов.

Как только входная дверь щелкнула замком, Лили сбросила одеяло на пол. Звук падения тяжелой шерсти показался выстрелом. — Хватит, — сказала она тихо. Голос был хриплым, севшим от слез. — Просто хватит, Джон.

Он замер, снимая мокрую куртку. — Лили, я...

— Не надо, — она подняла руку, останавливая его. — Я знаю, что ты хочешь сказать. «Всё будет хорошо». «Мы спра-

вимся». «Это был просто псих». Ты хороший лжец, Джон. Для страхового агента — выдающийся. Но я чувствую, когда ты врешь. Раньше чувствовала всегда. Эта связь... она ведь никуда не делась, да? Даже если твой огонь погас.

Удар пришел точно в цель. Серебряная нить Симбиоза действительно истончилась почти до разрыва, лишившись магической подпитки, но эмоциональная проводимость осталась. Джон чувствовал ее страх, густыми волнами исходящий от дивана. Чувствовал ее горе — тяжелое, вязкое, как мазут. Но передать ей свое тепло, свою уверенность он больше не мог. Канал стал односторонним.

— Связь есть, — признал он, вешая куртку на крючок. Руки слегка дрожали. — Но она работает иначе.

— Я видела его лицо, — Лили обхватила себя руками, раскачиваясь вперед-назад. — Когда полицейские перевернули его... этот мужчина знал меня. Я увидела это в ту долю секунды, пока его глаза еще фокусировались. Там не было страха незнакомца. Там было... облегчение. И извинение. Будто он сделал самую важную работу в своей жизни и теперь может наконец уснуть. Почему мой спасатель выглядел в точности как ты, только старше и мертвый?

Воздух в комнате стал плотным. Давление падало, предвещая бурю внутри стен.

Джон прошел к центру комнаты. Остановился напротив сгоревшей скатерти. Опустил голову. Плечи затряслись — не от рыданий, а от чудовищного внутреннего напряжения.

— Потому что это был я, — выдавил он.

Тишина, повисшая после этих слов, имела физическую массу. Она придавила их обоих к полу.

— Ты... что? — прошептала Лили.

— Я вернулся, — Джон поднял голову. Его глаза были абсолютно сухими, зрачки расширены от ужаса воспоминаний. — Я использовал часы. Тот механизм перемещает сознание вместе с оболочкой. Я прыгнул назад. Думал, что успею добежать. Кричал тебе. Но ветер... проклятый ветер с моря заглушал всё. Ты сделала шаг. Тот самый роковой шаг. Камень нашел твою голову. Я держал тебя, когда ты умирала, Лили. Я прижимал твои волосы, пока твоя кровь текла сквозь мои пальцы. И я ничего не смог сделать.

Он говорил монотонно, перечисляя факты, словно диктовал отчет о ДТП. Каждое слово вбивало гвоздь в крышку гроба ее рассудка. — Поэтому появился он. Мой старший вариант. Тот, кем я должен был стать, если бы жил обычной жизнью. Он отдал свое тело. Кайрос переписал реальность так, что упал он. Система взяла плату живым сердцем вместо магии. Мы выжили ценой его существования.

Лили слушала, наклонив голову набок. Медленно, очень медленно выражение ужаса на ее лице сменилось выражением глубокого, клинического недоверия. — Ты сошел с ума, — констатировала она. — Твой разум не выдержал чувства вины. Ты придумал красивую сказку про Духов Времени и параллельных себя, чтобы оправдать то, что какой-то

несчастный мужик случайно оказался на том пляже именно в тот момент. Это Стокгольмский синдром, Джон. Или шизофрения.

— Проверь свой висок, — устало бросил Джон.

Лили машинально подняла руку. Пальцы коснулись корки. Плотной, гладкой ткани кожи там, где должна быть рваная рана от острого базальта. Обычный хирургический шрам. Идеально ровный. Невозможный при падении на камни. — Это ничего не доказывает...

— Часы, — перебил Джон.

Он сунул руку во внутренний карман другой куртки — той, сухой, в которой приехал из участка. Достал тяжелый серебряный корпус. Латунная цепочка звякнула металлом о металл.

— Я оставил их здесь. Чтобы не поддаваться искушению. Но сейчас... нам нужна система. Первая попытка провалилась, потому что я действовал вслепую.

Лили вскочила с дивана, отпрыгивая от него, как от прокаженного. — Положи эту гадость! — выкрикнула она. — Ты убил его, Джон! Кем бы он ни был, там, в твоей больной голове — ты говоришь, что убил другую версию своего отца или брата ради меня! Положи часы в сейф и сожги ключ!

Ее крик перешел в истерику. Она пятилась к стене, выставив руки перед собой, защищаясь от реальности, которая оказалась страшнее любой фантазии.

Джон остался стоять неподвижно. Только смотрел на ци-

ферблат. Золотые песчинки внутри лениво кружились, игнорируя творящийся в комнате хаос. — Я вернусь, — сказал он так тихо, что Лили едва слышала его сквозь шум крови в ушах. — Еще раз. Прямо сейчас. В точку отсчета.

— Нет! — взвизгнула она.

Но Джон уже не слушал. Большой палец лег на рифленую заводную головку. Холод металла обжег кожу.

Механизм сопротивления сработал мгновенно.

Мир дернулся. Звуковая волна криков Лили оборвалась на полуслове, срезанная бритвой перемещения. Пространство гостиной схлопнулось в точку, уступая место влажному холоду эстфоллского побережья.

Снова запах йода. Снова рев прибоя. Снова низкое, беременное снегом небо.

На этот раз переход был мягче. Никакой тошноты, никакой дезориентации. Тело приняло перемещение как должное. Джон стоял на том самом месте, где два дня назад материализовался рядом с умирающим двойником. Только сейчас песок был сухим — прилив еще не начался.

Он сразу побежал.

Бежал так, как никогда не бегал в своей прошлой, офисной жизни. Легкие горели огнем обычного человеческого метаболизма. Икры свело судорогой на первых ста метрах. Сердце колотилось о ребра, пытаясь проломить грудную клетку. Никаких реактивных струй пламени из-под подошв.

Только биологическая механика боли.

«Ты кричал, но она не слышала». Ветер. Проклятый северо-восточный шквал. Он налетает со стороны открытого моря, огибает утес справа и создает зону акустической тени прямо над тропинкой вдоль кромки воды. Любой звук, изданный на парковке, рассеивается в этой аэродинамической ловушке.

Джон выскочил на край асфальтированной площадки. Отсюда вниз вела узкая, вырубленная в скале лестница без перил. Старая китобойная тропа.

Он увидел ее.

Маленькая фигурка в ярко-рыжей куртке. Лили шла по самой кромке камней, балансируя руками. Она остановилась, запрокинула голову навстречу ветру. Со спины она выглядела точь-в-точь как в его кошмарах последних двух суток. Живая. Беспечная. Собирающаяся умереть.

— Лили! — заорал Джон, срывая связки. — Стой! Назад!

Он преодолел половину лестницы прыжками, рискуя поскользнуться на мокрых водорослях и сломать шею самому.

Девушка внизу обернулась.

Ее лицо превратилось в бледное пятно. Она явно видела его — фигуру, несущуюся вниз с выпученными глазами и перекошенным ртом. Она видела опасность. Но угрозу она оценивала неверно. Она решила, что он оступился. Что он падает.

Лили сделала шаг ему навстречу, выходя на самый скольз-

кий, покрытый зеленым мхом валун, чтобы лучше видеть или попытаться помочь.

— Нет! Там нельзя! — захлебывался воздухом Джон. — Камень! Осторожно!

Расстояние сокращалось. Двадцать метров. Пятнадцать. Десять.

Ветер завыл особенно яростно, поднимая тучи соленой пыли. Этот порыв ударил Лили в бок. Маленький рост сыграл против нее — центр тяжести находился высоко относительно ее опоры на узком камне.

Она взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие. Левая нога поехала по слизи. Правая подогнулась.

Время начало растягиваться. Джон почувствовал знакомый щелчок в мозгу — остаточный рефлекс мага, восприятие которого обострено до предела ужасом. Мир замедлился. Капли дождя зависли в воздухе идеальными кристаллами.

Он видел каждое микродвижение ее мышц. Как напрягется пресс. Как инстинктивно подается плечо вперед. Как ее правая рука тянется к поясу штанов, ища опору, которой нет.

А затем гравитация победила.

Ноги Лили ушли из-под нее. Она начала падать спиной назад. По идеальной параболе, затылком прямо на острый выступ базальта, торчащий из стены утеса, словно специально подставленный природой зуб.

— Воздух! — взревел Джон, вкладывая в приказ всю силу воли, оставшуюся от прежней жизни. — Подхвати ее! Мяг-

ко!

Пустота.

Его легкие могли выдать поток кислорода. Его гортань могла сформировать звуковую волну. Но приказа стихии не последовало. Аэромантия требовала ключа, которого у него больше не было. Молекулы азота и кислорода вокруг них остались глухими наемниками, которым не заплатили.

Джон вытянул руку вперед. Расстояние было слишком великим. Ему не хватало каких-то трех метров длины конечности.

Лили переворачивалась в воздухе. Замедленное падение позволяло рассмотреть детали: выбившуюся рыжую прядь, застывшую слезу на щеке, расширенные от чистого, незамутненного страха зрачки. Она понимала, что сейчас умрет. И понимание это было спокойным, почти академическим.

Джон совершил невозможное. Оставив последнюю ступень лестницы, он оттолкнулся от камня и прыгнул в пустоту.

Человеческое тело весом в семьдесят пять килограммов пролетело разделявшее их расстояние за доли секунды. Он врезался в нее сбоку, плечом в солнечное сплетение, обхватывая рукой за талию. Импульс удара заставил их обоих закрутиться в воздухе.

План был прост и самоубийственен: принять удар о камень на собственную спину, используя мышечный каркас как амортизатор, закрыть ее голову своим телом и рухнуть в

воду. Вода убьет их медленнее, даст шанс выплыть.

Замечательный план. Лишенный одного фактора. Базальтового выступления оказалось два.

Первый, основной, о котором думал Джон, они миновали — траектория сместилась из-за его толчка. Но ниже, скрытая слоем зеленой тины, находилась старая арматура какого-то разрушенного причала, обнажившая ржавый, зазубренный конец длиной в двадцать сантиметров.

Джон понял, что произошло, когда мир вспыхнул белым. Боль пришла мгновением позже.

Острый металл вошел точно под правую лопатку, пробив трапециевидную мышцу, легкое и выйдя где-то спереди, чудом не задев сердце. Скрежет стали о кость отозвался в зубах.

Их общий вес увлек конструкцию дальше. Они рухнули в воду не мягко, как снежинки, а с треском ломающегося дерева. Поверхность океана приняла их как молот — накопальню.

Холод. Адский, вымораживающий внутренности холод январской проруби. Шок от удара наложился на шок от проникающего ранения. Вода сомкнулась над головой, заливая рот, нос, уши.

Железо осталось в теле. Оно пригвоздило Джона к каменному карнизу, как бабочку в коллекции энтомолога. Он попытался вдохнуть, но вместо воздуха в легкие пошла горькая, ледяная соль.

Рядом, запутанная в его руках, погружалась Лили. Она была в сознании. Ее глаза смотрели на него сквозь толщу воды. Она видела стальной стержень, торчащий из его спины. Видела пузыри воздуха, рвущиеся из его рта.

Она начала биться. Инстинкт самосохранения бил тревогу: вода убивает. Девушка извивалась, молотя кулаками по рукам Джона, которые сжимали ее мертвой хваткой. Она хотела жить. Хотела вырваться из смертельных объятий тонущего мужчины.

Джон смотрел на нее. Кровь из его раны окрашивала воду вокруг в густой багровый цвет. Красные облачка смешивались с черной глубиной.

Не сопротивляйся, хотел крикнуть он. Просто дыши водой. Это быстро. Я обещаю, в прошлый раз было больше.

Но изо рта шли только пузыри.

Легкие начали разрываться. Диафрагма конвульсивно сжалась, пытаясь втянуть хоть каплю кислорода. Перед глазами поплыли радужные круги. Зрение туннелировалось. Последнее, что зафиксировал его угасающий разум — это то, как Лили, устав бороться, вдруг обмякла. Ее глаза закатились. Из носа вырвалась последняя ниточка пузырьков. Она потеряла сознание раньше, чем началось агональное дыхание водой.

Милосердно.

Чернота поглотила их.

Запах озона. Сухой, электрический. И жужжание кварцевых часов.

Джон резко сел.

Он сидел на ковре в собственной гостиной. Утро. Солнце светит сквозь жалюзи полосами. Ни дождя, ни ветра. Абсолютный штиль.

Из легких со свистом вышел воздух. Полный, здоровый вдох. Ребра целы. Спина... спина цела. Он пошарил рукой под правой лопаткой. Гладкая кожа. Ни дыр, ни шрамов, ни липкой крови.

Взгляд метнулся к дивану.

Лили спала. Она лежала, свернувшись эмбрионом, подтянув колени к груди. Дышала ровно. Глубоко. Щеки порозовели во сне. Ей снилось что-то хорошее — уголки губ чуть дрогнули в подобии улыбки.

Целая. Здоровая. Живая.

Провал. Полный, абсолютный, катастрофический провал первой попытки активного вмешательства.

Джон поднялся на ноги. Колени дрожали не от слабости, а от переизбытка нереализованного адреналина. Он подбежал к дивану, схватил ее за плечи и начал трясти. — Лили! Просыпайся! Господи, пожалуйста, проснись!

Она замычала, отворачивая лицо, и попыталась сбросить его руку. Обычная реакция разбуженного человека. — Джон... пять минут... воскресенье же...

— Какое воскресенье?! — он встряхнул ее сильнее. —

Посмотри на меня! Открой глаза!

Лили села, сонно хлопая ресницами. Взгляд сфокусировался на его лице. Страх отсутствовал. Было лишь раздражение недоспавшего человека. — Ты чего орешь? Кошмар приснился? Ты весь белый.

Джон отпустил ее плечи и отступил на шаг. Потер ладонями лицо. Оно было мокрым. Слезы. Он плакал беззвучно, содрогаясь плечами, размазывая слезы по щекам тыльной стороной ладони. — Я не успел, — прохрипел он. — Снова. Я бежал. Я орал. Ветровой карман. Ты не слышала. Я прыгнул. Я поймал тебя. Но снизу была арматура. Железо вошло в спину. Я пригвоздил нас обоих к скале. Ты очнулась под водой. Начала отбиваться. Я держал тебя, пока сам не захлебнулся. Мы утонули, Лили. Буквально десять минут назад наши трупы болтались на дне фьорда.

Лили смотрела на него долгим, изучающим взглядом. Затем ее взгляд переместился на гладкую стену за его спиной. Потом на окно. За окном пел город. Гудели машины. Жизнь шла своим чередом.

Она медленно спустила ноги с дивана. Прошла мимо него на кухню. Звякнула кофеварка. Запах свежемолотых зерен поплыл по квартире — такой обыденный, такой правильный, что Джону захотелось разбить эту чертову машину.

Лили вернулась с двумя чашками. Поставила одну на столик перед ним. — Сахара нет, будешь черный, — буднично сказала она. — И молоко скисло. Расскажи еще раз. С само-

го начала. Без эмоций. Как страхового случая.

Джон поднял на нее безумные глаза. — Ты мне не веришь.

— Я верю, что ты *веришь*, — она сделала глоток горячего кофе, поморщилась. — Но объективная реальность говорит, что я сижу на своем диване, моя голова цела, а парень, которого я люблю, несет полный бред про железные колья и утопление. Значит, либо Вселенная сошла с ума, либо проблема в наших с тобой головах. Учитывая, что полиция нашла старика в синем костюме, версия с Вселенной кажется мне более логичной. Кто он, Джон? Реально? Твой брат-близнец, о котором ты молчал? Тайный клон?

Джон проигнорировал вопрос. Он подошел к журнальному столику, где лежали часы. Бронза тускло поблескивала. Алое ядро внутри пульсировало ровно и спокойно, сытое пережитой болью владельца.

— Проблема не в том, что я вернулся, — сказал он, глядя на циферблат. — Проблема в том, что я реагирую слишком медленно. Моя биология ограничена скоростью передачи нервных импульсов. Сто метров по лестнице — это три секунды минимум. Плюс время на осознание угрозы. Я прихожу в «Пасть Левиафана», когда первый акт трагедии уже сыгран. Моя роль начинается с антракта.

— Так не прыгай по лестнице, — раздраженно бросила Лили. — Используй эти штуки. Переключись на режим призрака или что там у них. Стань невидимым. Переместись прямо к ней.

Джон горько рассмеялся. Смех прозвучал скрипуче, как пенопласт по стеклу. — Я забыл самое главное уточнить у нашего многомерного друга. Режимы работы. Их всего четыре. Первый — наблюдатель. Второй — локальное управление временем. Замедление. Третий — карта судеб. Четвертый — скачок материи. Я использую четвертый. Он переносит физическое тело. Но он привязан к моему биологическому ритму. Я не могу нажать кнопку и оказаться там. Механизму нужен импульс. Эмоциональный пик. Обычно это происходит в момент катастрофы. Я просыпаюсь *после* того, как все пошло не так.

Он опустился в кресло, обхватив горячую кружку окочевшими пальцами. — Вчера я попробовал вмешаться грубой силой. Результат — кусок железа в печени и смерть от асфиксии. Я лечу симптоматику, Лили. Кашель вместо пневмонии. Мне нужно лечить причину. Базальтовый выступ. Ту конкретную геометрию скал, которая делает это место мясорубкой.

Лили поставила чашку. Фарфор громко стукнул о дерево. Она обошла диван и села прямо на пол у его ног, положив голову на подлокотник. Ее лицо оказалось на уровне его колен. Она смотрела на него снизу вверх. — Хорошо, — сказала она твердо. Голос перестал дрожать. Появилась сталь, та самая, за которую он полюбил ее аэромантку. — Раз ты не можешь изменить физику своих ног, измени физику камня. Что конкретно должно произойти, чтобы ты не насадил нас

на копьё?

Джон задумался. Перебирал варианты, раскладывая их в уме, как пасьянс. — Вариант А: Выступа нет. Эрозия забрала его сто лет назад. Но тогда изменится вся береговая линия. Слишком масштабно. Кайрос возьмет цену выше, чем мы можем представить. Изменится течение Гольфстрима, умрет рыба, начнется голод. Неприемлемо. — Вариант Б: Арматуры нет. Причал не строили. Вероятность выше. Но опять же, исторический сдвиг. — Вариант В: Самый простой. Геометрия моего прыжка.

Лили приподняла бровь. — Толкайся левее.

— Именно, — кивнул Джон. — В первом варианте я толкнул тебя вправо, уходя от основного зуба скалы, и попал на левый шип. Если рассчитать вектор силы правильно... если оттолкнуть нас не вбок, а строго вверх... придать вертикальный импульс... мы перелетим обе преграды. Высота там небольшая, метра четыре. Упадем в воду чисто. Выплывем.

Лили потерла виски. — То есть всё, что тебе нужно — это калькулятор и секундомер? Высчитать скорость твоего бега, мою скорость падения, сопротивление ветра и дать команду телу скорректировать толчок?

— Всё, что мне нужно — это второй режим часов, — мрачно закончил Джон. — Локальная децимация потока. Замедление времени.

Он посмотрел на артефакт. Короткий противовес указывал на деление «Наблюдатель». — Проблема в том, что пере-

ключение режимов требует завода. А завод требует энергии. Той самой, которой у меня дефицит. Каждая минута замедленного времени высасывает из меня годы жизни. Или калории. Или удачу. Кайрос не дал инструкции по эксплуатации. Сказал только, что топливо — боль.

Лили внезапно схватила его за руку. Ее пальцы впились в предплечье. — Покажи карту, — потребовала она. — Третий режим. Покажи мне другие ветки. Может, есть выход, где вообще никто не лезет на эти чертовы скалы?

Джон покачал головой. — Я боюсь открывать его. Карта показывает вероятности. Чем дольше смотришь на идеальный мир, тем сильнее хочется остаться там навсегда. Можно сойти с ума. Кроме того... — он сглотнул. — Кроме того, я видел там кое-что еще. Другие версии нашей гибели. Оказывается, вариантов, как умереть на романтической прогулке, гораздо больше, чем один.

Он встал, подошел к шкафчику в прихожей, достал початую бутылку дешевого скотча и плеснул янтарную жидкость прямо в недопитый кофе. Руки перестали трястись. Спиртное обожгло пищевод, даря иллюзию внутреннего огня, которого его лишили.

— План такой, — сказал он, поворачиваясь к Лили. — Сегодня мы идем в библиотеку. Нам нужны топографические карты побережья столетней давности. Нам нужны метеорологические сводки за последние двести лет. Нам нужно знать каждый миллиметр этого проклятого утеса. Завтра, в то же

время, мы будем готовы. Я нажму на головку. Время замедлится. Мир станет тягучим, как смола. Я увижу траекторию каждой капли дождя. И я толкну тебя ровно настолько, насколько нужно. Мы перепрыгнем смерть.

Лили смотрела на него несколько долгих секунд. Затем тяжело вздохнула, поднимаясь с пола. Она подошла к нему вплотную. Обхватила его лицо своими маленькими, теплыми ладонями. Прижалась лбом к его лбу.

— Ты понимаешь, что пытаешься решить дифференциальное уравнение пятого порядка голыми руками? — тихо спросила она. — Что первая ошибка в расчетах, и ты просто отрежешь мне голову собственным ускорением?

— Понимаю, — выдохнул он, закрывая глаза. От нее пахло сном, шампунем и почему-то старыми книгами. — Но альтернатива — сидеть тут и смотреть, как ты снова превращаешься в ледышку. Я предпочитаю математическое ха-
кари.

Она поцеловала его. Долгий, соленый от слез и скотча поцелуй. В нем не было страсти — только отчаянная договоренность двух людей, стоящих на краю пропасти.

Когда они отстранились, Лили посмотрела на часы, лежащие на столике. — Дай сюда, — попросила она.

— Зачем? Ты не сможешь ими управлять, механизмы настроены на мой ДНК-код, частоту пульса и уровень кортизола...

— Я не собираюсь ими управлять, — она взяла тяжелый

предмет двумя пальцами, словно ядовитого паука. Подошла к книжному стеллажу. Достала старый чугунный шар, служивший пресс-папье — сувенир из поездки в Прагу.

Размахнулась. И с силой швырнула часы в стену над камином.

Джон ахнул, бросаясь вперед, но было поздно. Корпус ударился о кирпичную кладку с хрустальным звоном. Стекло циферблата покрылось сеткой трещин.

— Ты идиотка! — закричал Джон. — Это единственный способ...

Алое ядро внутри часов мигнуло. Один раз. Ярко. Агрессивно. Затем из трещин в стекле пополз черный дым. Он не рассеивался, а собирался в тугий жгут, формируя женскую фигуру из жемчужного тумана. Элей. Морская тварь возникла прямо посреди гостиной, источая запах гниющих водорослей и холодной бездны.

— Как невежливо, — прошелестел голос морской ведьмы, заполняя комнату. Лили спряталась за спину Джона, хотя прятаться от духа воды за пирокинетиком — сомнительная защита, учитывая отсутствие у последнего огня.

— Ты продала нам бракованный товар! — прорычал Джон, заслоняя собой Лили. — Где инструкция? Почему вторая попытка закончилась куском арматуры в спине?!

Элей посмотрела на разбитые часы. На алую точку, продолжающую пульсировать вопреки повреждениям корпуса. — **Гарантия аннулирована в связи с несанкциони-**

рованным вмешательством пользователя, — сообщила она. — **Вы пытались обойти условия тарифа «Один прыжок — одна плата».**

— Какой тариф?! — взвыл Джон. — Назови правила игры!

Дух Времени плавно подплыл ближе. Песочные часы, которые она держала в руке (те самые, которых секунду назад не было), осыпали пол серебристым песком. Песчинки не долетали до ламината — они растворялись в воздухе, создавая эффект мелкого снега.

— **Правила просты, мальчик с пустой грудью, —** промурлыкала Элей. — **Кайрос милостив, но Космос скуп. Ты используешь энергию Парадокса. Каждый раз, когда ты прыгаешь, ты создаешь энтропийный долг. Вторая попытка сложнее первой. Вселенная сопротивляется изменениям. Она подсовывает препятствия. Железо в спине — это привет от физики, которая не хочет, чтобы ты танцевал на ее костях. Третья попытка будет веселее. Возможно, скала решит вырасти прямо у тебя на пути. Или птица попадет тебе в глаз, и ты потеряешь ориентацию.**

— Тогда дай мне подсказку! — Джон ударил кулаком в стену. — Скажи, куда прыгать! Как спасти ее?!

Элей расхохоталась. Звук был похож на обрушение ледника. — **Спасение — это скучно. Меня интересует эстетика процесса. Наблюдать, как муравей пытается по-**

строить мост через лавину — вот истинное искусство.

Ее туманные глаза обратились к Лили. — **Девочка-аэромант. Ты чувствуешь плотность воздуха? Почувствуй сейчас.**

Лили, выглядывающая из-за плеча Джона, судорожно сглотнула. Закрыла глаза. Джон ощутил, как меняется атмосфера в комнате. Давление резко упало. Воздух стал разреженным, высокогорным. Затем давление скакнуло вверх, стало душливым, тяжелым.

Губы Лили посинели. Она пошатнулась. — Хватит, — процедил Джон.

— **Тихо, пепел,** — отрезала Элей. — **Она считает. Три секунды твоего бега по лестнице. Две секунды ее скольжения. Коэффициент сцепления мокрого гранита — ноль целых, восемнадцать сотых. Скорость ветра — шесть метров в секунду, порывами до девяти. Угол падения тела при массе пятьдесят девять килограмм...**

Голос духа изменился. Стал механическим, лишенным всяких интонаций. Он чеканил цифры быстрее любого компьютера: — Тебе нужно начать маневр уклонения за ноль-семь секунды до потери ею контакта с камнем. Толчок должен быть направлен под углом сорок три градуса к горизонту с вращательным моментом вокруг вертикальной оси в пятнадцать радиан в секунду. Твоя точка опоры находится на трещине в плитке третьей ступени сверху. Если перенесешь

вес на левую ногу на два сантиметра глубже, центровка позволит избежать столкновения с ферромагнитным объектом конструкции старого пирса.

Элей моргнула. Туман вновь стал игривым. — **Хотя откуда тебе знать, что такое радианы? Вы, люди, забавные. Вы думаете, что спасение — это подвиг. Но спасение — это геометрия.**

Она развернулась к разбитым часам на стене. Черный дым начал втягиваться обратно в трещины. — Куда ты идешь? — крикнул Джон.

— **Досматривать кино,** — бросила через плечо Элей. — **Третий акт обещает быть кровавым. Советую надеть чистые носки. Говорят, истекать кровью приятнее, когда обувь не жмет.**

Дух исчез. Комната снова стала комнатой. Только запах соли и разбитый прибор на стене напоминали о визите высших сил.

Лили медленно сползла по стене на пол, хватая ртом воздух. Джон бросился к ней, помогая сесть. — Сорок три градуса, — прохрипел он, глядя на осколки стекла. — Пятнадцать радиан. Трещина в плитке.

— Она дала нам чит-код, — еле слышно ответила Лили, убирая волосы с лица. — Теперь ты не человек, Джон. Ты живой баллистический компьютер. И если ты ошибешься... если твоя ступня соскользнет с плитки на миллиметр...

— ...нас разорвет на атомы пространственным напряже-

нием, — закончил за нее Джон.

Он посмотрел на жену — девушку, ради которой готов был считать углы до конца времен. Стерильность души, оставленная Кайросом, начинала заполняться новым содержанием. Вместо ярости стихийного бога там теперь росла холодная, безупречная одержимость математика.

— Вызови сантехника, — неожиданно сказал он. — Пусть разберет плитку на лестнице в подъезде. Мне нужно точное сканирование глубины трещины. Купи лазерный дальномер. И найди учебник по теоретической механике. Кажется, мое гуманитарное образование больше не актуально.

Лили слабо улыбнулась. Впервые за эти дни в ее глазах появилось что-то кроме животного ужаса. Появился азарт. — Я ненавижу математику, — призналась она.

— Придется полюбить, — Джон помог ей подняться и повел в спальню. — Начиная с завтрашнего утра, наша любовь будет измеряться в джоулях и угловых минутах. А сейчас ложись спать. Тебе нужно восстановить водно-солевой баланс. Утром у нас экзамен. Пересдача предмета «Выживание».

Оставшись один в гостиной, Джон подошел к камину. Осторожно снял остатки часов с кирпичной кладки. Механизм работал. Циферблат зиял пустотой, но шестеренки внутри продолжали вращаться, питаемые незримой энергией парадокса.

Он сжал холодное серебро в кулаке. Боль от прошлых попыток — фантомная боль арматуры в позвоночнике, агония

утопления — всё это было лишь платой за входной билет.

Первая попытка была актом слепой веры. Вторая — актом грубой силы. Третья станет актом абсолютной, бесчеловечной точности.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.